

В. ВЕРЕСАЕВ

МАТЕРИАЛЫ К ПОВЕСТИ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Предисловие и публикация Ю. У. Бабушкина

Вересаева называют летописцем русской интеллигенции. Его романы, его повести и рассказы — словно главы истории революционной борьбы в России конца XIX — начала XX в., летописи исканий русской интеллигенции в то бурное время. Повесть «Без дороги» (1894) рисовала крах народничества, рассказ «Поветрие» (1897) отмечал распространение марксизма в стране, повесть «На повороте» (1901) отражала борьбу марксизма и пролетарской революционности с «экономистами» и либералами, записки «На японской войне» (1906—1907) раскрывали банкротство царизма в русско-японской войне, повесть «К жизни» (1908) посвящена глухому времени реакции после поражения первой русской революции, роман «В тупике» (1920—1923) — периоду социалистической революции в России и гражданской войны, роман «Сестры» (1928—1931) — годам строительства социализма. Таковы исторические вехи, которые определили судьбы вересаевских интеллигентов. Его любимые герои нередко переходят из рассказа в повесть, из повести в рассказ, а события разворачиваются в одних и тех же городах, — Пожарск, Слесарск, Томидинск. Все это превращает произведения Вересаева в своего рода цикл или, как говорил сам писатель, в «цепь... повестей, отражающих душевную жизнь „хорошей“ русской интеллигенции» («Записки для себя»).

Но в цепи явно не хватает одного звена — 1905 года; о нем Вересаев, неизменно шедший в своем творчестве по горячим следам событий, не написал тогда ничего, кроме нескольких эпизодов в последних главах записок о японской войне. Это постоянно смущало исследователей, и одни ¹ ограничивались ссылкой на общую мировоззренческую позицию писателя, другие ² предпочитали обходить такой странный факт молчанием, третьи ³ пробовали рассуждать, что-де Вересаев никогда не писал о том, чего не видел сам, а в 1905 г. он находился вдали от родины — в Маньчжурии, на войне. Доля правды в таком объяснении была, но не вся правда: ведь с конца 1905 г. Вересаев был уже в России. Тех, что предпочитали промолчать, можно было понять: отношение Вересаева к революции 1905 года в самом деле до конца не ясно.

Вересаев одним из первых среди крупных русских писателей обратил внимание на движение революционеров-марксистов и поверил в него. Уже в 1897 г., в «Поветрии», он радовался вместе со своей героиней: «Вырос и выступил на сцену новый глубоко революционный класс». А в письме к В. А. Поссе от 31 августа 1900 г. писал, что учение марксистов стало для него «самым дорогим»⁴. В его произведениях все больше места отвоевывает революционер-пролетарий. В «Записках врача» (1895—1900) новый герой появляется только в одном эпизоде, но эпизоде кульминационном: именно простой литейщик заставляет понять врача, что лишь уничтожение существующего общественного строя, лишь социальная революция способны изменить условия жизни, и тогда не будет нужды, от которой болеют бедные, и не будет роскоши, от которой болеют богатые.

А уже через год, в повести «На повороте», появляется рабочий-революционер Балудев, нарисованный крупно; рядом с ним мятущиеся интеллигенты ощущают «смутный стыд за себя». Лучшие из них и наиболее дорогие писателю, как Таня Токарева, становятся «пролетариями до мозга костей»: «с нею можно было говорить только о революции, все остальное ей было скучно, чуждо и представлялось пустяками».

Сам писатель в 90-е годы близко стоит к революционному подполью. В «Воспоминаниях» он рассказал, что помогал агитационной работе ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»: в больничной библиотеке, которой он заведовал, был устроен склад нелегальных изданий, в его квартире «происходили собрания руководящей головки» организации, печатались прокламации, в составлении их принимал участие и Вересаев. Деятельность его обратила на себя внимание властей: в 1901 г. постановление министра внутренних дел запрещает писателю в течение двух лет жить в столичных городах. Но и уехав в родную Тулу, он активно участвует в работе местной социал-демократической организации; судя по ряду косвенных данных, пишет прокламации для майской демонстрации, а деньги, полученные за издание «Записок врача», отдает на революционную работу. Несколько позже, в начале 1904 г., Вересаев хлопочет об издании нового русского перевода «Капитала» К. Маркса.

Крепнет связь Вересаева с Горьким.

И когда в заключительных главах записок «На японской войне» Вересаев восторженно приветствовал 1905 год — это казалось совершенно естественным и закономерным.

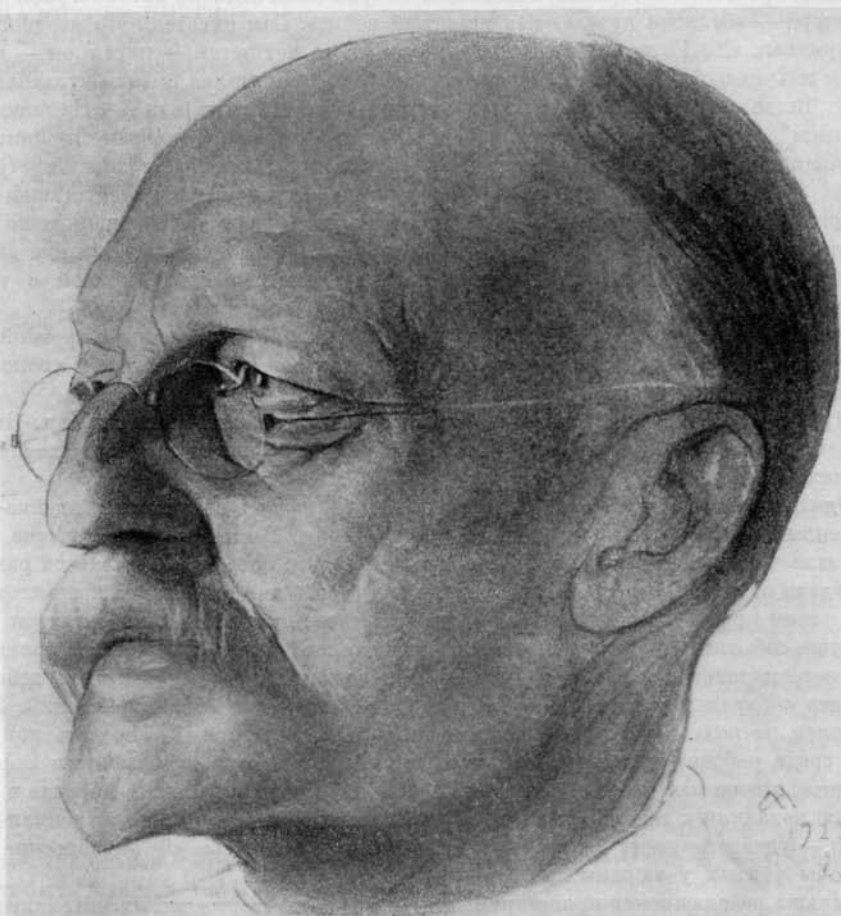
Больше того, верилось, что 1905 год станет трамплином для нового творческого взлета... Но все произошло иначе. В 1908 г. Вересаев создает повесть «К жизни», где герой отказывается от былых идеалов, так по крайней мере повесть была воспринята революционным крылом русской литературы. Вересаев восхищался стойкостью и моральной красотой Дяди Белого и закаленного подпольщика доктора Розанова, но на их революционную работу надежд больше не возлагал. Писатель предлагал взамен универсальное средство от всех бед — общественных и личных — теорию «живой жизни», сильно отдающую толстовством: в близости к крестьянскому труду, связанному с «матушкой-землей», в постоянном общении с вечно юной природой — подлинное счастье человека. Мысль эта была особенно ощутима в заключительных эпизодах повести, изъятых Вересаевым в 1913 г.

Между записками «На японской войне» и повестью «К жизни», таким образом, отсутствует не просто тематическое звено, не хватает звена логического.

Недавно обнаруженные материалы позволяют несколько восполнить этот пробел. У В. М. Нольде, племянницы и литературного секретаря Вересаева, хранятся две тетради, в них — заготовки к какому-то крупному произведению о 1905 годе, повести или даже роману. Первая тетрадь целиком состоит из этих заготовок, вторая — наполовину, ее начальные страницы содержат разные пометки, сделанные в более ранние годы. Записи первой тетради легко датируются: они начаты не ранее октября 1905 г. (такова дата первой записи) и закончены не позднее 1908 г. — последние наброски частично использованы писателем в повести «К жизни». Содержание набросков второй тетради, почерк, чернила дают возможность отнести ее примерно к тому же времени.

Может показаться, что тетради эти — обычные записные книжки писателя и нет оснований рассматривать их в качестве подготовительного материала к повести или роману. Однако вся творческая практика Вересаева опровергает такое предположение. Он был очень аккуратен в своем писательском хозяйстве и постоянно вел несколько записных книжек. В одну, как правило объемистую, записывал всевозможные свои наблюдения. И одновременно у него были тетради, в которые он подбирал материал для произведений с уже сложившимся замыслом. Однородность, идейно-тематическая близость заметок, хранившихся у В. М. Нольде, очевидна. К тому же ряд набросков имеет следы позднейшей правки. Все это и заставляет думать, что перед нами не случайные заметки.

Некоторые записи выглядят дневниковыми: они датированы и несомненно являются зарисовками с натуры (как, например, те, что рассказывают о старшем брате писателя). Вересаев всегда стремился строго держаться реальных фактов, он старался

В. Верещаев

В. В. ВЕРЕСАЕВ

Рисунок Н. А. Андреева (цветной карандаш). Май 1923 г.
Третьяковская галерея, Москва

писать преимущественно о том, что довелось наблюдать самому. Его произведения «Без дороги», «В тупике» и многие другие построены в большей или меньшей степени на автобиографическом материале, а любимым жанром были записки автобиографического характера — «Записки врача», «На японской войне». Сам писатель это неоднократно подчеркивал. «До 17 лет непрерывно, а потом много лет летом, — писал он, — я жил в Туле и Тульской губернии и, конечно, насквозь пропитался именно тульской природой. Везде, где я изображал провинциальный быт („Без дороги“, „На повороте“, „К жизни“), материалом мне служила Тула. Зыбино с его характерным старинным помещичьим домом, усадьбой и окрестностями описано и в „Без дороги“ и в „Поветрии“⁵. В селе Зыбино Тульской губернии — оно упоминается и в публикуемых записях — находилось имение двоюродного дяди писателя, здесь Вересаев неоднократно отдыхал летом. Показательно, что в повесть «Без дороги», написанную в форме дневника героя, вошли многие эпизоды из личного дневника писателя, причем с той же датой.

Вполне вероятно, что и в произведении о 1905 году, произведении с прочной исторической основой, Вересаев собирался придерживаться точной, реальной хронологии событий, отсюда и даты в рукописи.

Публикуемые материалы тетрадей, конечно, не просто записные книжки. Но в то же время это еще и не повесть или роман. Это наброски эпизодов, эскизы характеров будущих героев.

Однако и по ним, пусть приблизительно, можно судить об основных идейно-художественных особенностях задуманного произведения. И раньше вересаевские герои были захвачены мыслями о революции. Но сюжеты его повестей и рассказов развивались вдали от мест революционных боев, и сама революция была лишь предметом споров в узком кругу интеллигенции. Теперь же писатель намеревался обратиться к самой гуще событий: он рисует сцены митингов, политических собраний, баррикадных боев, черносотенных погромов, — именно тут должно было развернуться действие. Вересаев собирался изобразить борьбу партий и политических направлений. Эсеры «влиянием не пользовались», — замечает он. Тщетно стремились завоевать популярность среди рабочих и кадеты. Их оратор говорил звонко и с фальшивым пафосом: «Помните, что на нас смотрит история... Мы решаем судьбу России». Рабочие в ответ «толпою повалили к выходу», крича: «Долой! Долой!» Рабочие стоят за социал-демократов, — удовлетворенно констатирует писатель в наброске «В октябрьские дни, похороны убитых у тюрьмы...»

Раньше революционер-пролетарий, попадая в среду вересаевских интеллигентов, становился очередным оппонентом в теоретических спорах героев. Даже наиболее удавшийся писателю образ Балужева из повести «На повороте» и тот не представлен в обстановке практической революционной работы. В Балужеве Вересаев пытался выявить основные качества натуры передового рабочего. В последних главах записок «На японской войне» он показал те практические революционные дела, которые совершали Балужевы, но здесь не было самого Балужева, были бегло намеченные эпизодические персонажи. Эти два плана в изображении нового героя — его внутренний мир и его революционное дело — так и не совместились в едином образе.

Теперь, в произведении о 1905 году, судя по всему, такой герой должен был возникнуть, да и интеллигент превращался, наконец, у Вересаева в революционера-практика. Та самая Таня, что рвалась к революционному делу еще в 1901 г., в повести «На повороте», духовно выросла и возмужала; Таня стала подлинной революционеркой, возглавила отряды вооруженных рабочих-дружинников. А рядом с ней — образы восставших пролетариев. Ничего подобного никогда ранее не было в рассказах и повестях Вересаева. Здесь появляется и старый рабочий, который «потерял веру в бога 9 января, когда на его глазах пули забили по иконам, когда затем повалились трупы и полилась по улицам кровь»; или другой рабочий, — он привык молчаливо сидеть в уголке, «с косым взглядом исподлобья», «глухим голосом», — в дни революции 1905 года вдруг вырос в «могучего трибуна, владевшего толпою, как рабом», «его имя было на устах всего города». И еще один — «приговоренный к расстрелянию» рабочий.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
В. В. ВЕРЕСАЕВА
Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ
НА ТИТУЛЕ КНИГИ:
«НА ВОЙНЕ» (СПб., 1908):
«Николаю Николаевичу
Златовратскому
в знак глубокого уважения
от автора»
Литературный музей,
Москва

В. Вересаев.

*Николаю Николаевичу Златовратскому
в знак глубокого уважения
от автора.*

НА ВОЙНѢ.

ЗАПИСКИ.

Н Н З
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография Спб. акц. общ. «Слово». Ул. Жуковского, 21.
1908.

который, «прощаясь с сыном», сказал пророческие слова: «Ну, что ж, мне не удалось, может быть удастся тебе».

И все-таки о 1905 годе Вересаев не написал ни романа, ни повести. Публикуемые наброски в какой-то мере дают этому объяснение. Они помогают понять и причины внутренней убежденности автора «К жизни» в цельности, нерушимости своей общественной позиции.

С первых шагов в литературе писатель оставался беспредельно и самоотверженно верен отвлеченно-демократическому идеалу союза людей-братьев. А средства достижения такого союза, на его взгляд, в конце концов могли быть разные. Поскольку воплощению в жизнь этого идеала одно время как будто способствовало народничество, Вересаев шел с народ никами; поскольку за союз людей-братьев вступили в борьбу марксисты, Вересаев отдал свои силы марксизму. Но марксизм для него был все-таки больше средством в борьбе, чем мировоззрением. Показательно, что, будучи поборником пролетарской революции, он тем не менее порой смешивал подлинный, революционный марксизм с мнимым, «легальным»; в его воспоминаниях и «Записях для себя» новое философское учение нередко отождествлялось с социально-политическими воззрениями П. Струве и М. Туган-Барановского.

Писатель не сомневался: жизнь требует революционного взрыва. Но и раньше, до 1905 г., он считал, что революционеры-ленинцы, пожалуй, чересчур идеализируют человека, он опасался, что это-то их и погубит. Вересаев радовался, замечая, сколько в людях героизма и человеколюбия; он убежден, что эти лучшие качества будут развиваться, но вместе с тем пока нельзя забывать и другого: «человек...—потомок дикого, хищного зверья» («Записи для себя»); животное начало в нем давало и будет давать себя знать постоянно.

Врач Вересаев считал необходимым напоминать читателю, что биологическое начало в людях сильно. Робел перед ним Чеканов («Без дороги»), пасовал Токарев («На повороте»), оно подчеркивалось и в образе Сергея из той же повести «На повороте» и в образах героев «Двух концов». О силе биологического, «природного» в человеке шла речь и в одном из «японских рассказов» — «Ломайло», и в записках «На японской войне». Биологический инстинкт в человеке, по мнению Вересаева, подчас побеждает все, даже инстинкт классовый. Писатель мечтал о революции — и не верил в ее скорый успех, считая народ не подготовленным к ней нравственно.

Все это не раз приводило к тому, что в произведениях Вересаева наиболее значительная тема дня — тема революции — вдруг вытеснялась интересом к вопросам второстепенным. Так, бодрый, радостный тон первых глав «На повороте», в которых в основном раскрывался облик Тани и рассказывалось о Балугеве, сменялся мрачными описаниями деградации спасовавших интеллигентов.

Первые дни революции 1905 года увлекли Вересаева, он готов уже был позабыть свои былые сомнения, но дальнейшие события, как показалось ему, подтвердили его старые опасения: человек, по его мнению, оказался нравственно к революции не готовым. Едва почувствовали люди свободу, как в них проснулся «потомок дикого, хищного зверья», особенно в самой темной части населения — в крестьянстве. И в той и в другой тетради немало записей, рисующих крестьян, а порой и рабочих, анархистами, в которых революция разбудила темные инстинкты. Кстати, и позже, в романе об Октябре и гражданской войне, писатель восхищается революцией, но и пугается ее, ибо от «взрыва огромных подземных сил» «вся грязь полетела вверх, пелел перегорелый, вонь, смрад» («В тупике»).

Анализируя события 1905 года, Вересаев, видимо, окончательно приходит к выводу о нравственной неподготовленности людей к революции, решает, что главной задачей дня является воспитание человека, моральное его совершенствование. Только после этого будет возможно революционное изменение действительности. Так рождалась теория «живой жизни», а вместе с тем и повесть «К жизни», предлагающая идеалистическую по своей сути программу морального совершенствования человека.

Публикуемые тетради помогут точнее представить себе позицию Вересаева в период реакции, а здесь многое пока что повергает в недоумение исследователей. Трудно, например, сочеталась идейная платформа, заявленная в повести «К жизни», с такими фактами: в конце 1907 г. писатель принял предложение Горького стать одним из редакторов сборника, в котором предполагалось участие В. И. Ленина и А. В. Луначарского; в 10-е годы Вересаев, председатель правления и редактор «Книгоиздательства писателей в Москве», выдвигает среди главных пунктов программы издательства следующее: «ничего... антиреволюционного». Казалось странным, что и после повести «К жизни» он продолжал считать себя убежденным социал-демократом, марксистом, а в 1913 г. заявил в автобиографии, что «ни от чего в прошлом» не отказывается, лишь стремится «быть значительно менее односторонним». Если поставить в связь печатаемые ниже материалы, повесть «К жизни» и упомянутые факты близости Вересаева к большевикам, то складывается довольно ясная картина: Вересаев отнюдь не оспаривает целесообразность и возможность революционного слома действительности, он убежден, что продолжает ту же борьбу, которой отдал годы, но ведет ее более верным способом. Именно поэтому он не порывает с большевиками, хотя и не согласен с ними в определении путей и методов подготовки новой революции. Теория «живой жизни», по его мнению, никоим образом не отменяла революции, она ее только откладывала: пройдя этап нравственного самовоспитания, человек приготовит себя для низвержения эксплуататорского строя.

В позднейшее время Вересаев не раз обращался к старым своим записям о 1905 годе. В частности, одна из них послужила основой рассказа «Два побега» (1929), вошедшего в цикл «Невыдуманные рассказы о прошлом», над которым писатель работал до последних дней своей жизни. Этот цикл наглядно показал, как с высоты социалистической действительности Вересаев сумел исторически более верно оценить события прошлого России, в том числе и 1905 года.

«ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ» *

В Туле, X <19>05 ⁶. В воздухе пахло кровью, все были как будто пьяные. Один революционер, хромой, идет один впереди боевой дружины, шагов на десять, с револьвером. Остался цел, потом черносотенцы, заметив его, хотели пойти избить на квартире. Искали и Др-ра, на Посольской избили насмерть человека с такими же рыжеватыми космами, как он, — оказалось, приехавший посвящаться в дьячки.

Накануне страховой агент, всем в Туле известный, говорит собравшейся кучке: «Разойдитесь лучше, братцы!» И в таком роде острит. В задних рядах шепчутся:

— Ну-ка, дай-ка ему разок по шее.

— Ну, что!

— Да не бойся, ты только начни, а там уж мы.

Знакомый извозчик подкатил: — «Ал. Пав-ч, пожалуйста!» и увез его.

Стоит рабочий с барышней, национ<альная> манифестация, гимн, «шапку долой!» Не снял, страшно избили, досталось и заступившейся барышне.

В декабрьские дни в Москве первые дни войск почти не было, везде боевые дружины, обыватели приглашали их к себе на квартиры, кормили, спали там, пока патрули дежурили у баррикад. Стали появляться войска, артиллерия — вдруг залп по пустой улице, неожиданно, все думают — холостыми; падают и корчатся люди, все бежит.

— Эх ты, баба, сопля соленая!

Офицер муштрует во фронте солдата-еврея, тот стоит вытянувшись, тяжелое ружье в онемевшей руке качается и перевешивается; иногда, вытянувшись и выпуча глаза, тяжелый, смешно-стонущий вздох: — у-уф! Весь взвод дружно хохочет.

В Туле, в начале марта, к<онституционные> дем<ократы> в театре Зарайской. Лекция проф. Кизеветтера ⁷. (Накануне — собрание к<онституционно>-д<емократического> комитета, суетня, просмотры списков избирателей, рассылка повесток; сидит крупный акцизный чиновник, два врача, бывший тов<арищ> прокурора, здесь же — старик-рабочий с оружейного завода, в пиджаке и мягкой рубашке, сидит, положив руки на колени. Впечатление — вот тут им деятельность, призрак работы, — а что бы они делали, если бы отказались от Думы.) На эстраде комитет, взволнованный, д-р Я. отбирает повестки, его жена говорит Н. Ч-му: «Мне муж советует лучше сесть за кулисы, если будет скандал, удобнее уйти (!)». Наивно, не замечая комизма. (Были слухи, что с<оциал>-д<емократы> хотят сорвать собрание, боясь Пармена ⁸.) Кизеветтер ⁹ читает о правых партиях, о партии «За ц<аря> и пор<ядок>»: «Где же у них жертва? Посмотрим, что они говорят о аграр<ном> вопросе: переселение — это хорошо, хотя доказано статистикой, что земли от этого не так много, но жертва-то, жертва-то где? Рабочий вопрос — госуд<арственное> страхование рабочих, опять ничего нельзя возразить, но где же жертва?» и т. д. Возражения, рабочий с<оциал>-д<емократ>: «Г-ну профессору соверш<енно> чужда сколько-нибудь историч<еская> точка зрения.

* Некоторые авторские сокращения слов расшифровать не удалось; они воспроизводятся в том виде, какой имеют в рукописи.

** «Помните, что на нас смотрит история. Мы не простые избиратели, а особенные, мы решаем судьбу России, и история произнесет над нами свой приговор». (Я., с<оциал>-д<емократ>, возражает: «Помните, товарищи, не то, что на нас смотрит история, а помните, что нам, как воздух, нужна свобода и жизнь!») — Прим. Вересаева.

Какая же это партия помещает в свою программу, чем она *жертвует*? Помещают то, чего *требуют*» и т. п.*

Графи<н>я. Часто вдруг смеющаяся, изумленная мысль: что это, сон? Сидит в д<оме>, к ней позвонит — отряд сформирован, она: «Скажите по телефону гр<аф>у, чтоб распорядился снять кар<аул> с казн<ачейст>ва».

В Избр. <?>, в доме Нобеля. Старик-кадет долго и скучно говорит о Петре Великом, Ал<ексandre> II, все зевают, рабочий: «Совсем как дед с балабайкой в Екатерингофе!»

Во время перерыва господин в очках, с длинными волосами, авторитетным голосом: «Я не говорю, что нужно идти в Думу, но *если* уж идти, то следует голосовать за кадетов». Один рабочий со светлыми усиками, исподлобья маленькие блестящие глаза: «Не можем мы выбирать, учены! Чтоб их сейчас же жандармы спапали? Знаем! Тут и не хочешь учиться, а научись!» Один оратор о том, что на прошлом заседании Стр. говорил, что нужно утвердить бюджет, иначе русские акции падут. На кафедре заволнованный молодой господин: «По поводу этого обвинения я могу возразить три вещи: во-первых — это неправда! (Слушатели дружно: «Правда! Правда!») Во-вторых — это неправда! («Правда! Правда!») И в-третьих — это неправда!» («Правда! Правда!»)

Дружный хохот и одобрение, когда говорят о ненадежности кадетов. Кончается заседание речью кадеты о необходимости идти в Думу, рабочие толпою повалили к выходу, крича: «Долой! Долой!»

Сон. Все в нем было ужасом, давящим и безысходным, но вот теперь, припоминая его, я никак не могу точно сказать, что было так ужасно. Выплывают в памяти только обрывки. В Туле на Стар<о>-Двор<янской> ул<ице> высокий, трехэтажный дом; ночь, перед рассветом. Вдруг с фасада молчаливого дома бесшумно зависло под крышу, словно как бы занавес, огромное жалюзи. Ярко сверкнули ряды освещенных окон, все в нем шумно, из окна верхнего этажа вниз головой полетел на мостовую человек, следом на него упал тяжелый письменный стол, вылетело на панель тело и из окна нижнего этажа, у окон появились пьяные офицеры, угрожающие, и крикнули: «Мы сейчас будем стрелять!» И опять бесшумно опустилось жалюзи, все погасло и замолкло, и из-за жалюзи затрещали выстрелы. Все бежали, и я прилег за углом, выглядывая на улицу... Потом что-то мы делали дома, в окна залетали пули. Я вышел на угол, где стояло несколько извозчиков, стал нанимать, но они мне ответили насмешками. Уже не собираясь ехать, я для чего-то сел в сани самого заднего извозчика, он мне что-то сказал, я кротко возразил, и вдруг он, не торгуясь, повез меня. Мимо на нескольких тройках пролетели пьяные офицеры из дома с завешенным фасадом; и я сильно боялся, что они изрубят меня пашками... И вот я был в какой-то пустой, высокой каморке с побеленными стенами и уцепился за карниз под потолком, а в каморку на корточках выпрыгнул студент и на голове он держал огромный четырехугольный каравай ситного хлеба. Он прыгал с ним, как тушканчик, по каморке и что-то бормотал, не видя меня, а я ужасно боялся, чтоб он меня не увидел. Сбоку была четырехугольная ямка глубиной в полчеловеческого роста, он впрыгивал в нее и старался изнутри закрыть отверстие своим караваем, как камнем, потом опять выскакивал, опять прыгал, как тушканчик. Я подбирал полы своего пальто, чтоб он меня не задел. А он вдруг остановился, снял с головы каравай и медленно

* На полях рукописи: Сильное напряжение. Боязнь Пармена. Повышенное чувство. Я. говор<ит> смело, ярко. Энтузиазм.

В. В. ВЕРЕСАЕВ В КРУГУ СЕМЬИ

Фотография, Зыбино, 1904 г.

Собрание В. М. Нольде, Москва

стал поднимать голову, это было самое ужасное; я увидел красное, мясистое лицо с темно-русой бородкой клинышком, и маленькие, мутные глаза из-под лба взглянули вверх и остановились прямо на мне. «Пора кончить», — испуганно подумал я и быстро открыл глаза. В комнате светало. И смутно вспомнить: что же, что же было ужасом? *

К Р. Ж. Праздник. Противно выйти на улицу, все пьяно, шатающиеся фигуры, ругательства, крики, ссоры, женские вопли... И все жизнь не могут принять, нужно сделать ее приемлемой!

Религия — в конце концов, в лучшем, — это дать жить человеку надеждой... Не хочу, не хочу! Хочу жить настоящим!

Средство — борьба — настолько вошло в суть человека, что он не может понять, что там, впереди, может быть хорошего, если не будет борьбы.

Степан Рытов в лунную ночь, сливаясь с окружающей природой: «А что, малый, ничего там (за гробом) не будет! Вот, как жеребец гнедой сдох, тоже и мы».

Равнодушие к окружающей крови. Девочка пяти лет ходит с ножиком и чиркает им на фотографических карточках по горлу.

Дети в Москве играют «в баррикады».

* На полях рукописи: Я видел — она полураздета, и мы были с нею вместе под одной меховой шубой, ко мне прижималась девическая грудь под тонкой рубашкой.

По улице идут два солдата, к ним привязался подвыпивший рабочий в черном пальто, идет рядом с ними, шатаясь и размахивая руками. «Сколько вы нашего брата положили!» Те идут молча и смущенно косятся на него.

Старый рабочий потерял веру в бога 9 янв<аря>, когда на его глазах пули забили по иконам, когда затем повалились трупы и полилась по улицам кровь. «А он ничего, всему дозволил».

В ноябре 1905 г. — собрание 11 отделений гапоновских организаций, председатель Ушаков, с елейными, блудливыми глазами. Стоят густо, один парень со смехом в голосе рассказывает о 9 января — как он упал, как над ним вился казак и все хотел его достать пашкою, он прижался к земле, тот стал тыкать его острием, проколол бок, изрезал все пальто, — ну, да не жалко, старое было! И этот кошмарный, гнетущий ужас для нас — он о нем рассказывал, как о смешной драке. Ушаков начинает говорить — поклон от о. Г<апо>на, просит прежде всего пропеть «вечную память» жертвам 9 янв<аря>. Вдруг парень: «Зачем в<ечная> п<амять>? Мы на митингах бывали, другие песни знаем... „Вы жертвою пали!“» Дальше У<шаков> говорит: «о. Г<апон> скитается вдаль, в изгнании, просит ходатайствовать о его возвращении — согласны?» Протесты: «Зачем о нем одном? И других много — Гершуни, Сазонов...» Принимается требование о *всех* ⁹.

Мальчик-еврей 14 лет, Ф., толпа гимназистов на улице шалит, проходит дама: «Не шалите и разойдитесь!» «Проходите, это не ваше дело», — крикнул кто-то. Дама оказалась женой директора — расследование, кто крикнул. Дама узнала только Ф-на, п<отому> ч<то> он рыжий, но говорит, что не он крикнул. Усиленный допрос, никто ничего не говорит, решили, что крикнул известный шалун Х. — его исключить. Вдруг Ф.:

— Это я крикнул.

— Что ты вздор говоришь?

— Нет, я!

Настаивает, и его исключили. Шатался, был никчемным, его брат-близнец — студент, много занимающийся, умная сестра-курсистка, он с ними почти насильно увязался на собрание — раз, другой; и вдруг оказалось — незаменимый человек-практик, решительный, хладнокровный, находчивый. Сожгли <?> склад оружия — он ни словом своему брату-близнецу о нем не проговорился, хотя они не имели друг от друга тайн.

Собрание район<ного> комит<ета> представителей разных организаций — в комнатке рабочего. Вдруг нагрянула полиция, человек 50. Некоторые стали рвать бумаги, один городской схватил за руку одного, тот оттолкнул его и хотел уничтожить, вдруг кто-то скомандовал: «Шашки вон» — городские выхватили шашки и стали бить. Крики, истерич<еские> вопли; похватили стулья, ими защищаются. Многие только махали шашками, но некоторые рубили, одному срублен кусок черепа до мозга, упал (отвезли в участок, там глумятся: «А, будешь теперь речи говорить?» Доктор пришел, ткнул пальцем в рану, отчего пошли по телу судороги. «Умрет». Выжил.), у других резаные раны. Остановил вошедший пристав, по яростному требованию всех помощника пристава, давшего команду, удалили... Делают у каждого опрос о родственниках и т. д. «Это не ваше дело». Ж. вошла в соседнюю комнату (хозяина *квартиры*), у люльки кровать, оттуда встала одна девица из арестованных: «Я поспала». Ж. легла. Собираются уходить, девица ей: «Вставайте». «Убирайтесь к чёрту!» Продолжает лежать, завернула на себя одеяло. Околоточный

вошел: «Г<оспо>да, никто тут не остался?» Всех увезли, по дороге несколько раз делали перекличку (чел<овек> 30), за нее отвечали другие. Она еще с час лежала, п<отому> ч<то> в соседней комнате полицейский писал, — он ушел, хозяин взволнованный: «Можете вы в две минуты уйти?»

— В полсекунды!

Ж. исчезла ¹⁰.

С<оциал>-д<емокра>т, выпущен под залог, к<отор>ый дал один адвокат, тот бежал — «что с этими буржуями церемониться?» На квартире собрание, все загажено, всюду окурки. (Рабочие — нет.)

Рабочий — приказчику: «Ступай, послушай, — пронзительная лекция, полезная для тебя, торгового человека».

Два депутата-крестьянина, один т<уля>к, другой гр<одненский>. Первый — лысый, с крючковатым носом и холодными глазами, борода клинышком, имеет 15 дес<ятин>, в серой блузе; второй — с большими руками, ясным свежим лицом и большою русою бородою, лоб невысокий и прямой. Т<уля>к: «Первым делом потребовать, чтоб всем борцам за свободу был поставлен мраморный монумент». Трусоват, в В<ольном> э<кономическом> о<бщест>ве, когда ворвалась полиция, удрал; второй остался, хотя спрашивал своего спутника: «А что, П. Е-ч, боков нам не намнут?» Все левее. Когда шел на заседание Думы об амнистии ¹¹, отозвал П. Е-ча: «Вот, пожалуйста, 35 р<ублей>. Если я не ворочусь, то эти деньги и сундучок пошлите жене по такому адресу...» Его провожали, как на войну, баба выла, что не воротится. Сам в этом сомневается. Впечатление от Зимн<его> дв<ор>ца — голые женщины, залитые золотом придворные, — с его зада золото содрать, целая деревня год прокормится. Сидят в комнате с соседним дворником, пьют водку. Дворник: «Мы все ждали (27/IV, открытие Думы), если на Сенной в 12 ч<асов> ударит колокол, что, значит, забрали депутатов, — все бы туда двинулись на выручку».

Т<уля>к: «Такие книжки нужно в деревне распространять. Мы несем тяготу и не думаем. А такую вот книжку прочтешь — в Англии нашим сахаром кормят свиней, а ты вот этакий кусочек сахару (взял с пепельницы окурки и показал черным ногтем кусочек) возьмишь и норовишь выпить с ним 20 чашек. Начальство для тебя от бога, а император — это уже вроде как бы божий брат. А тут все оказывается совсем иначе».

Рассказывает о депутате священнике Концевиче, говорившем в Думе, что нужно думать о благе на том свете, а тут сокращать себя ¹². «Завел шарманку!.. Ведь мы сюда пришли не богу молиться, а законы писать. Это ты старушкам рассказывай, а не нам».

Грод<нен>ский — с ясными глазами, спокойным голосом рассказывает, как выкуривал поджогами помещика, заставив его продать имение, как проткнули остроугом казенного лесника. Край удивительный, пьянства, по его словам, почти не бывает. «У нас этими вещами не занимаются», да и не на что — тридцать копеек заплатить, а за них сколько нужно работать. Ну, в большой праздник бутылочку выпьют. Летом молодежь работает на сплаве (по Неману), зимою возит лес. К т<уляку>:

— А вы что зимою делаете?

— Читаю.

— Что?

— Естествознание оч<ень> люблю, романы (Майн-Рида). Очень меня естествознание занимает, все искал книжек, до 35 лет никак ни у кого не мог познаться.

— ?!

— К священнику. — «Мы этого не знаем».

— Ну, доктора напр<имер>?

— Просил его, Николай Иванович доктор у нас, Добрышев. — «Есть, говорит, у меня такие книжки, да где-то завалены».

Гр<одненс>кого спрашиваю — а что вам священник в проповедях говорит?

— У нас церковь далеко, за десять верст, идешь-идешь... — неохотно ответил он.

— По дороге все, что слышал, растеряешь, — пояснительно засмеялся туляк.

О равноправии туляк, поколебавшись:

— А как вы в таком случае поступите? Скажешь жене, ну, скажешь, Соломонида! — мою жену так звать. Приготовь сегодня щи! А она лапшу подает. Поедешь снопы возить? — Не поеду. Как поступить?

— Ну, с какой стати она так без причины скажет?

— Нет, позвольте, я вас фактически спрашиваю, что вы в таком случае будете делать?

Л. С-на:

— Сказать ей, что я тебя презираю.

— «Презира-аю!..» А она тебе: «Нищий, бродяга, каторжник, я тебя еще больше презираю!» (Смех.) — А по-вашему как?

— В ат-таку! (Смех.) Обязательно! В рукопашный бой!

Раб<о>чий, приговоренный к расстрелянию, прощаясь с сыном: «Ну, что ж, мне не удалось, может быть, удастся тебе».

Слова падали с его губ, как капли, медленные и тяжелые.

Без шеи, с маленькой, неподвижной головой, с широким туловищем, совсем, как жук.

Во время погрома один спрятался в дровах, другой — в подземной печи, пролежали два дня. Пришли жандармы с фонарями, открыли в печи, вытащили, избили и у стенки расстреляли.

Вооруженное нападение на типографию, взяли с заведующего честное слово и отпустили.

Агитатор — спорить с ним было трудно. Он старался высмеять, повлиять на чувство, и казалось, он говорит для невидимой толпы, от к<о>тор>ой ждет, что она разразится рукоплесканиями.

— Важен тот энтузиазм, подъем, та борьба, к<отор>ая сплавивает, спаивает пролетариат. Правильно говорит Маркс, что в июньские дни был побежден не пролетариат, а предрассудок (веры в буржуазию) ¹³ («Позвольте! В лучшем случае, были побеждены и пролетариат, и предрассудок. Последнее — хорошо, а первое очень плохо и печально»). Нужно возбуждать жестокую, неистовую ненависть против буржуазии и т. п.

— Ах ты пичужка!

— Сам пичужка!

— Ты знаешь, что такое пичужка? Маленькая печка!

— Нет, не маленькая печка!

— А что же?

— Ничего!

П-р — постоянная разнообразная деятельность, мало людей, чисто ремесленное отношение, с искусственным подъемом вместо энтузиазма.

Ня от чего не отказывается, все охотно исполняет. Самоуверенность. Пренебрежит(ельное) отношение к людям.

Везде зарева пожаров. Мужики, посмеиваясь: «Ребята самовары ставят!»

Объявления Пармена: «Сим объявляю всей тульской пропаганде: если кто вздумает зачинать бунт, мною будут приняты самые смертоносные меры».

В. В. ВЕРЕСАЕВ

Фотография, Зыбино, 1901 г.

Литературный музей, Москва

Др-р — знакомый товарищ прокурора видел в участке — весь во вшах, лицо раздутое, синее, все гноящееся, глаз не видно.

Мужики спешат закупать плуги — будут давать земли столько, сколько кто успеет запахать.

11/VII <19>06. Зыбино ¹⁴. Вчера узнали о том, что Дума разогнана. Уже с неделю назад к Панину приехали опасовские мужики и взяли у него из амбаров всю намолоченную рожь. Вчера узнали, что к Рихтеру (Санино) ¹⁵ пришли давыдовские ¹⁶ мужики (земли много, помещика нет, деревня «озорная», в проезжающих бар бросают грязью, в велосипедистов бросают камнями, травят собак), потребовали 50 р<ублей> на водку, он не дал, побили в доме стекла. Он дал три рубля, его будто бы ударили по шее, т<ак> ч<то> он покатился, «три раза перекувыркнулся». Он вынул р<евольвер>, пригрозил стрелять — отхлынули, выскочила дочь, дала еще 4 р<убля>. После этого отрясли стоявшие у дома 4 яблони и ушли.

С ними же ходили и санинские, предварительно «для храбрости» выпив водки, две четверти оставили с караульным, чтобы, в случае если дело примет острый оборот, набраться больше храбрости.

Сегодня серый, мокрый день, везде лужи, холодно, сеет дождь, явились к нам с галдежем все зыб<инские> мужики, сильно пьяные, спрашивают Федю. Вышел — дождь льет, ввел их в амбар, открыли его, многих это, видимо, тронуло. Мит. З. (в пиджаке, высокие сапоги в резиновых калошах, очень пьян, глаза безумные и грозные):

— А-а, старый овес, летошний! До сих пор не продан!

— Да ведь и у тебя есть летошний! (Семья богатая, два их брата — штукатуры.)

— У меня, может, больше, чем у вас!..

Галдят.

— Скажите толком, что вам надо!

Федька (см. «Исправ<илась>»¹⁷) (его силою притащили с собою два пьяных мужика) впереди, вошел в раж, повторяет:

— Я сколько лет у вас бегал за пятиалтынный! За пятиалтынный сколько лет за свиньями бегал!

— Ну?..

Обрывается, растерянно оглядывается и быстро толкает вперед себя Мохн<агую> Лапу. Тот вываливается, шатающийся, рыжий, слюнявый (снохач, бывший староста).

— Мне, Ф<едор> Г<ермогенович>¹⁸, десятинку бы землицы и семян на посев!..

Ср. (К.) грозно:

— Ты что за себя, — за всех говори, все пришли!.. По десятине желаем получить! Не хотим как вот в других деревнях, хотим, чтоб сначала попробовать по-хорошему... Ну, а не выйдет по-хорошему...

Мит. З. в экстазе ненависти ударяет пальцами по кирпичной стене амбара:

— Вот, каждый этот кирпичик мой дед клал, потом-кровью обливался... А вы, сукины дети, пользуетесь! Будет! Довольно!..

Х. подобострастно:

— Мы, Ф<едор> Г<ермогенович>, хотим по-хорошему! Думы ждали, не выйдет ли решения, — теперь что же поделаешь?

— Приходите трезвые!.. А то вот сейчас Ср. говорит и сам совсем пьян!

Мит.:

— Ср.! Ср.! Пойди сюда!.. Вот, он говорит, ты пьян.

Ср., качаясь:

— Я пьян?

— Выпивши!

— Нет, я не выпивши!..

Мит.:

— Яблоками торгуете! Бабы, девки! Тащите кули, обирайте яблоки! *

Идет к деревне, за ним бежит сестра его, служащая у нас в горничных, Рес. удерживает, он:

— Беги за кулями, так-то тебя и так-то, — замахивается на нее. — У меня денег больше, чем у вас, могу сколько хочу яблок купить, а не желаю! Желаю ваши трясти! Вот я в калошах, а ты без калош!

И он яро топает сапогом, обутым в калошу, по большой луже, летят грязь и брызги.

Илья Колом. здоровается со мною за руку, заговаривает, вполголоса:

— Вот, ребята, — шумят!

* В рукописи Вересаев начал правку: «кули» заменял «кошелками», а «яблоки» — «ягодками», но не довел ее до конца.

Капитон:

— Вы мне руку залечили (показывает рубец), как знаете это дело, то сразу срослась, одним духом... Я вам яичек принесу!

— Капитон! — грозно крикнул Ср. К., — ты что там?

— Я вот с доктором, насчет руки, — испуганно ответил Капитон.

— Какая тут рука, иди сюда!..

Галдеж, ничего не разберешь. Ф.:

— Ср. К., ну, будь ты председателем, никакого толку нет!

— Ну, ладно, ребята, не галди! Вот, Ф<едор> Ер<могенови>ч, будь нашим оратором!..

(Митр. З. после этого, толкая ногою: «Я оратор, я не позволю!») По-решили — по десятине за 8 р<ублей> и семена; — «На водочку бы»; дал три р<убля> — мало, еще полтинничек! Дал, — теперь дайте, чтоб без ссор, яблочек закусить. Повалили к саду: — «Эй, ребята, беги сюда!» Стали они махать руками столпившимся у ворот ребятам, те помялись, потом гурьбою, как стая воробьев, преследуемые лающими собаками, помчались. Садовники-сторожа бледные, дрожат, вынесли меру падалиц, одеялют. Алексей Софронычев у шалаша, Мар<уся> ¹⁹:

— Ты кто, Арсентий?

— Нет, я Алексей с Дальнего Востока!.. Я, М<ария> Ер<могенов>на, скандалу не люблю, я вот задами прямо сюда, насчет яблочек, знаю, что не обидите... Я люблю, чтобы все тихо, без скандалу, — так и на Дальнем Востоке делал!

В кухню пришел Мит. З.:

— Ф<едор> Ер<могенович>, дайте рюмочку водки, пожалуйста!

— Если «пожалуйста», отчего же не дать?

— Только дайте, дверь припру, чтоб те не увидели!.. Что! Шарлатаны! Сейчас всю эту сволочь уведу!..

Выпил, вышел на улицу, на мананов ²⁰:

— Вы что?! Чтоб сегодня же все на расчет!

Через два дня в Давыдовское приехал становой с стражниками, трех мужиков арестовали. Страшно злы на Рихтера — ну, теперь ему через нашу деревню не ездить. Остановили нашу лошадь с молоком, ехавшую на станцию, узнали, что зыбинская, — отпустили. Через три дня приехал становой, земский начальник, десять казаков, был и Рихтер; арестовали еще семерых.

Мужики рассказывали: в Давыдовское из Тулы приезжали два агитатора. Было условлено — пойдут по окрестным помещикам, в каждой деревне будут забирать мужиков, когда придут, тогда объяснят, что заявлять. И к нам должны были прийти, да в Санине задержались; санинцам Рихтер по полдесятины отдал в аренду, они успокоились и не пошли с давыдовцами; а те напились пьяны и дальше не пошли.

— Зачем пьяные? Да ведь темные мы, не знаем, как; научить некому... Ну, да ничего, понемножку научимся. А что трое в острог попали, это ничего. Столько ли еще пострадает!

Федя уступил по десятине за 5 р<ублей>. Наши мананы:

— Правда, теперь дано мужикам как хотят с господами поступать?

В день санинского погрома — все пьяны и в Шульгине ²¹, ограбили монополку. Проезжал купец — давай сто рублей! Тот взмолился:

— Братцы, что вы! Ведь я тоже мужик, не барин!

Отпустили. Некоторые были с револьверами (раздали в Давыдовском). Алексей Рытов едет в телеге, нагоняет двух, сильно шатаются, идут

по дороге — один старик, другой чахлый парень. В страхе едущему с ним Вас. Ив-чу:

— Налетит нам в загорбок!.. Пьяные!

— Да неужто мы с ними не справимся?

Во время октябрьских забастовок в Туле на базаре спрашивают привезшего из деревни картошку или морковь мужика — почему? Если не очень дешево, сейчас часть расхватают, часть повыбросят и растопчут.

Кон-к — она была человек неудачливый, но с громадной энергией и громадным желанием работать. Постоянно попадала в тюрьму и в конце концов специализировалась в тюремной пропаганде (работницы, крестьянки и т. п.), читала им лекции и т. п.

Бежали двое в Сибири: когда с этапа отправляли партию, двоих уложили в заранее припасенные большие корзины и уложили их в телеги; первый день выпустить не удалось, потом сменился конвойный офицер и новый запретил нагружать свои вещи самим ссыльным, а велел делать солдатам. Те как пошли швырять корзины с телеги на землю и обратно! Только через трое суток удалось их наконец высвободить — лежали в легкой одежде, а была осень и морозцы, подушки разбились и всех их осыпали пухом. Выскочили, бежать — второпях забыли взять теплое платье, только девушка взяла платок. Он отморозил себе щеку.

Рабочие ходят встречать каждую неделю поезд с ссыльными, — в красных мешочках яблоки, букеты, встречают «Марсельезой». За решетками — мужики, интеллигенты, рабочие, солдаты, матросы, священники... Один наборщик сказал горячую речь. Обсуждают — не следует делать, напрасная бойня.

— К позорному столбу трусливых соц(иал)-дем(окра)тов! (с(оциалистов)-р(еволюционеров)). Зачем давить проявление революц(ионного) чувства?

— Ребята, вы бы того... Вон оттуда бы, из-за кустиков пели, там уж не мое дело, а уездной полиции.

В октябрьские дни похороны убитых у тюрьмы, когда толпа шла освобождать политических. «Народная депутация» взяла охрану порядка на себя. Десятки тысяч народа, и порядок был образцовый при полном отсутствии полиции. На кладбище все не могли уместиться, часть за воротами, многие взобрались на каменную ограду. Говорили речи, между прочим, один солдат (среди убитых были и солдаты). Его речь была какая-то безумная, состоявшая из истерических выкриков — «за что они убили наших товарищей?!» — и в истерике упал на землю. В толпе истерические выкрики, вдруг с шумом рухнула оградка, крики, суета, началась паника. «Сознательные» запели: «Вы жертвою пали» — паника стала стихать. Пришли вести, что в городе погром, потихоньку отрядили туда часть боевой дружины (часть уже была там). Слухи оказались неверными.

Погромом пахло. Приехали громилы из соседнего города, громко похвалялись сделать погром, роняли на улицах награбленные золотые вещи. Каждый день происходили митинги; в день похорон, ввиду всеобщего утомления, не было; в городском саду все-таки собралась неслышательная часть «зареченцев», явились ораторы-черносотенцы, призывавшие к избиению евреев и интеллигенции, говорившие о еврейских и японских подкупах. Прибежали к Тане — скорее! Несколько созна-

тельных поспешили, еле удалось парализовать, указать на характер и цели черносотенства. (Говорил, между прочим, один хромой чиновник, о ком было известно, что он состоит шпионом.)

Часто во время митинга вдруг выкрик, или отчаянный вопль, возглас: «Казаки!» — и всеобщая паника, площадь моментально пустеет. Предлагали для митингов здания — отказались: в закрытом помещении в случае паники м^{ожет} произойти давка.

Ежедневный литературно-художественный и сатирический журнал.

ЖУРНАЛ «БУРЯ» ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1906 г.

Обложка — рисунок неизвестного художника.

Экземпляр с пометой неустановленного лица о запрещении журнала за статьи, помещенные в этом номере
Литературный музей, Москва

Митинг. Полицеймейстер, корректный и порядочный человек, просит слова, ему не дают, крики: «Долой!» Наконец он начал: «Граждане! Во имя избежания кровопролития...» Шум, крики: «Не мы хотим крови, а вы!..» (Уже сумерки, митинг громадный, море голов сливается вдали с сумраком.) Пришлось не сказав сойти. Стоит, около него Таня. Вдруг молодой рабочий, страшно взволнованный, останавливается перед полицеймейстером, странно наклоняется, мимо, опять к нему. И вдруг и полиц^{ей}мейстер и Таня поняли, понял и рабочий, что они поняли, и

все три, охваченные кровавою, смертною дрожью, молча смотрели. Вдруг Таня схватила руками за плечи полиц^{еймейсте}ра и обратилась к рабочему: «Уходите! Сейчас же уходите!» Рабочий, задыхаясь, поглядывая то на полиц^{еймейсте}ра, то на Таню, держа руку в кармане пальто: «Так уйти, Таня?.. Таня! Уйти?..» «Ну, пойдём! Что ты здесь!» — сказал другой рабочий и, взяв его за плечи, увел в толпу. У него был в кармане нож. Второй впоследствии был арестован, напомнил полиц^{еймейсте}ру, что спас его, тот его выпустил.

Интеллигентский комитет состоял всего из трех человек, из них две женщины; в местном комитете с^{оциал}-д^{емократов} вообще — еще 12 сознательных рабочих. С^{оциалисты}-р^{евOLUTIONеры} влиянием не пользовались. Народная депутация с комитетчиками, с^{оциалистами}-р^{евOLUTIONерами} и либералами (врач, учитель и др.) в городскую думу, думцы, перепуганные и взволнованные, лебезят перед депутатией. Требование денег на вооружение и т. п. Кому заведовать? С^{оциал}-д^{емократ}ам! С^{оциалисты}-р^{евOLUTIONеры} и либералы запротестовали. «Ну, хорошо, — тем, за кем стоят рабочие». Думцы: «Верно, это — самое правильное». Пришлось согласиться, — а это были с^{оциал}-д^{емократы}. Жалование дружинникам по полтиннику в день, в первый день масса недоразумений, не было определенного лица, выдавало сразу несколько человек, хулиганы получили по два, по три раза. Неудовольствие. И., зная организаторские способности Тани, предложила ее поставить во главе, согласились, она и вела. Многие хулиганы, обиженные ее расчетом, грозили ее убить, «зареченцы» узнали, с утра высылали оберегать ее квартиру. Всегда несколько вооруженных человек ее сопровождали. Дружину называли «Танькиным войском».

Обычно по воскресеньям — митинги. Объявление. Под ним два объявления губернатора, одно — что митинг запрещается, другое — что будет крестный ход. А это всегда предлог к погрому. Обсуждение — отменить митинг или нет. Либералы и с^{оциалисты}-р^{евOLUTIONеры} <?> убеждают отменить, кончится погромом. С^{оциал}-д^{емократы} утверждают, что погромом кончится, если отменить, «зареченцы» все равно не захотят отказаться от своего права, придут, и воспользуются черносотенцы, как в день похорон. «Погром будет лежать на вашей совести!» и т. п. Решили не отменять, но страшное душевное волнение, всю ночь под воскресенье не спали. Либералы прибегли к другому пути — отправились к губернатору и уговорили его отменить крестный ход.

Депутация гор^{одских} рабочих к члену управы, кадету. (По поводу непризнания союза низших служащих.) Вошел быстро, сел, уставился на них. Потом взял карандаш, придвинул к себе лист бумаги.

— Прежде всего, назовите ваше имя, отчество и фамилию!

— Зачем вам это?

— Я не имею привычки разговаривать с незнакомыми! Обыкновенно люди дают свои визитные карточки, но у вас, вероятно... визитных карточек нет?

Те с вызовом назвали себя, он записал.

— Ну-с, хорошо! Теперь что же вам угодно?

Объяснили, что союз легализован, что он в состоянии предотвратить много недоразумений, к^{отор}ые иначе могли бы кончиться столкновениями и т. п. Он все больше смягчается, вдруг:

— Что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста! Да, да, я этому всегда сочувствовал, — и т. д.

К Х.:

— Скажите, пожалуйста, мы с вами как будто где-то уже встречались? (Нигде.)

Уходят, жмет им руки:

— Я очень рад, учреждение прекрасное! и т. п.

Рабочий, сознательный, много читает, но смиренный, робкий, с семьею. Плату боялись спустить, опасаясь волнений, поэтому не записывали, у кого полдня, у кого день и т^аким^о обр^азом^о сбавляли. Сбавили у него, вдруг как прорвало, слепо стал ругать мастера, кричать, и его уволили.

И было теперь что-то в воздухе, что всех делало другими, не похожими на всегдашних, и теперь было легко, просто и разумно делать то, что в другое время было бы величайшею глупостью.

Трупы, смерти, муки, желание не думать об этом, и вдруг во все существо проникла мысль: человек, — он, Иван, Петр, я, — все это совсем ничто, есть что-то большое и общее, а это пустяки. Теперь его истязуют в участке — пускай! Завтра его самого, раненого, будут топтать каблуками — пускай. И это думалось без гордого вызова, без смущения, а просто, как что-то само собою ясное и понятное.

Настало удивительное, странное время, небывалое состояние: как будто не он жил, а в нем жило все, до ногтя ноги, до кончика каждого волоса, и все сливалось в одно, трепетавшее небывало-полною и быстрою жизнью; и все кругом жило так же, и жизнь была какая-то новая, яркая, какой никогда не бывало. И все стало общим, и отдельная жизнь стала ничто.

Слабый, увлекающийся, способный к гипнозу, рвется к большему, чем нужно, его приходится удерживать. Потом, в тюрьме, всех выдает, с ненавистью и осуждением. Х-ву: «Бог вам прости, что вы со мною сделали!»

Илш. — соверш^{енно} определенных взглядов, резкий, прямолинейный, от нелегальной работы уклоняется.

— Ну, что такое ваши с^оциал^и-д^емократы? Вот, напр^{имер}, Илш., позвольте узнать, что он такое делает?

— Разные люди способны на разное, м^ожет^о б^ыть, ему нет подходящей деятельности.

Начались дни свободы, он раза два читал рефераты, был председателем митингов, а через четыре-пять дней его имя было на устах всего города. Вырос могучий трибун, владевший толпою, как рабом. Знакомые смотрят, слушают — совсем не тот, кого они знают, молчаливо сидящий в уголке, с косым взглядом исподлобья, говорящий глухо. Взошел на трибуну, заговорил — и от его слов души всех сливаются в одну душу, и исчезают отдельные воли, и все становится одним. Предлагает почтить память борцов, гремит: «На колени!» — и все опускаются на колени. Начинает речь: «У меня еще есть мозг в голове, у меня есть глаза, к^{ото}рые видят, есть уши, к^{отор}ые слышат, я думаю, смотрю, слушаю — и говорю вам, граждане...» Думает: «как напыщенно!» — а видит, уже толпа в его власти, во власти его покоряющего, сверкающего взгляда, тембра его голоса. Его голова была оценена черносотенцами, его разыскивала полиция, он скрывался, дети его были рассованы по знакомым, он обрился, чтоб не быть узнанным, но на митингах выступал по-прежнему. Черносотенцы и те, будучи в толпе, поддавали его влиянию, один кричит «ура!», аплодирует, в то же время толкает в бок соседа и, указывая на Илш., говорящего речь с балкона Думы, говорит: «Гляди! Это

ихний царь!» Сходит с трибуны, расспрашивает о своей дочурке Верке — и опять глухой голос, косой взгляд.

Настроение на митингах все росло, достигало высокой напряженности, требовало проявления, действия, а действия не было. Получалось какое-то уродливое переживание в голове того, что должно немедленно вести к действию. Часть толпы, самая наэлектризованная, хотела идти к тюрьме освободить политических, а было известно, что там засада из войск. И вот задача — отвлечь толпу отсюда. Илш. с балкона Думы: «Граждане! Должна быть организованная сила, поэтому, кто желает, идите в Думу и записывайтесь в милицию!» Курьезно, оружия не было, какой смысл могли иметь одни милиционные списки? Студенты образовали цепь, люди потянулись в Думу. Х-ая хочет идти домой, устала с утра.

— Пойдите в Думу!

— Что же я там буду делать? В милицию я как женщина не могу идти. (Илш. просил, кто не записывается, не идти в Думу, чтоб не было толкотни.)

— Я, какая там милиция! — усмехнулась собеседница. — Пойдемте!..

В Думе хаос, столы отодвинуты, стулья опрокинуты, все ходят по всем комнатам, осматривают. В отдельной комнате заседает коалиционный совет. Х-ая сидит в вестибюле с приведшею ее и молодым с<оциал>-д<емо>-кратом, недавно в другом городе раненным из револьвера сыщиком и долго болевшим. Вдруг суетня, все бегут с площади в Думу — «войска!» Вся площадь была занята драгунами, раздался залп. Бегут в Думу, молодой с<оциал>-д<емократ> вскочил — бежим!

— Куда? Все, напротив, сюда бегут!

Залпы посыпались на Думу, звенят разбиваемые стекла, пули бьются в штукатурку, по лестнице несут с площади раненых, откуда-то взялись санитары, перевязывают. Вдоль лестницы стоят с<оциалисты>-р<еволю>-ционеры с револьверами в руках: «Не бойтесь, граждане! Мы с оружием в руках будем вас защищать!» — это против винтовок-то и чуть не артиллерии. Вышел Илш.: «Коал<и>ционный совет просит вас не волноваться, сидите смирно, не выходите! Не провоцируйте солдат — не стреляйте!» Драгуны дали по Думе три залпа и поворотили лошадей назад. Кучками народ стал выходить. Через полчаса явилась полиция, забрала оставшихся в Думе, на площади разделила на две части — одних избили и отпустили, других арестовали.

Ожидание обыска в течение нескольких дней, театр, блеск; дома грусть.

В Москве. Стрельба из пушек на Смоленской площади, Арбатской. По Арбату проехал взвод драгун с обнаженными пашками, помахивая на толпу (все улицы <заполнены> густо народом) — разбежались, потом опять сошлись. Второй раз прискакали с нагайками, толпа опять расхлынулась, ее стало вдвое меньше. Через час опять показались они, за ними едут два орудия. Толпа мирно смотрит, наверху стоят на балкончиках. Вдруг офицер прицелился из револьвера и выстрелил в один балкончик, на к<отор>ом стояло человек восемь, трое детей. Все ахнули от негодования, у Х.: «Что же это? Что это?» В ужасе не верила глазам... К вечеру уже весь Арбат и смежные переулки были в баррикадах. Строили все. На след<ующий> день утром прискакали драгуны, подожгли переднюю баррикаду и усаkali. Мальчики ее потушили и опять поправили. На след<ующее> утро явился какой-то растерянный господин, с красным флагом и с маузером, по-видимому, провокатор, и стал стрелять из-за баррикады, призывая «граждан». Никто не пошел, и он исчез. Лица у всех уже другие, как будто не те совсем люди, какие были вчера. «Сколько

добра попортили!» — говорят они, с сожалением глядя на перерезанную проволоку, поваленные столбы и фонари, выломанные на баррикады ворота и двери. Стоят кучки прислуги, разного люда. Идет взвод солдат, остановился, ружья на руку — и вдруг залп. Люди повалились и в ужасе побежали. Часть людей в ворота, там остановились. «Начнут в ворота стрелять!» — повернули на двор за дом — и, действительно, сейчас же

1905 ГОД, НА ПРЕСНЕ

Картина В. Лещинского (масло), 1908 г.

Музей Революции, Москва

забили пули в двор. Ощущение — в безвыходной ловушке. Забились в какой-то чуланчик — оказался черный ход в квартиру. Весь дом дрожит от выстрелов. Солдат с улицы подошел к магазину обуви, выпустил из винтовки все пять зарядов, смертельно ранил приказчика. С полчаса шла стрельба в обе стороны вдоль улицы, потом затихло. На постах стоят солдаты, все спокойно идут — вдруг солдаты начинают стрелять. Солдаты были на всех колокольнях церквей и оттуда стреляли по прохожим, и люди падали, не зная даже, откуда выстрелы. Обыски прохожих женщин с подниманием юбок, с залезанием руками под юбки. В это время гул орудий, громящих Пресню, выстрелы так часты, что сливаются. Казалось, всех этих ужасов ни за что не пережить, — а пережил и даже привык.

Лкас. Забастовка, часть работает. К. пошел, стал на табуретку: «Товарищи! Я не буду говорить, что это вам самим не расчет продолжать работу; а я хочу вас спросить — хорошо ли вы поступаете? Где товарищеская солидарность? Я окончательно хочу посмотреть, порядочные вы люди или нет. Кто не будет работать, станьте на правую сторону, а которые полные подлецы, которые хотят разрушить товарищество, станьте на левую». Все на правую, ему в руки красный флаг, пошли с «Марсельезой».

Высылают — свои никто не помог. Он раньше собирал деньги для другого высылаемого — «у него свои деньжата есть».

— Дело не в том, а это есть товарищеская солидарность.

Принес от себя 20 р<ублей>, сказал, что собрал, тот:

— Неправда, я знаю, что они ничего не дали, это твои собств<енные> деньги.

— С одной стороны на нас правительственные преследования, а с другой стороны — братские; с одной стороны нас бомбардирует градоначальник, с другой — товарищеское недоверие.

— Ну, вы как живете?

— Все пьянствую.

— Что же вы этим хотите взять? Вы этим ничего не возьмете. Кроме, что себе вред сделаете, раз! А другое, что все порядочные люди от вас отвернутся. Я хочу сказать — на ваших глазах все равно, что плотное полотно, и вы не видите света кругом.

— Это не твое дело рассусоливать, можно ли, нет ли.

Приезжает, как именинник. Пук газет, в которых про него написано. Спит, ест, грустит.

— Вы бы пошли, работы поискали.

— Да нет, где же найти. За меня должны похлопотать.

Кухарка хочет посмотреть храм Христа-спасителя, не знает, как пройти:

— Вот, кстати, вы тоже хотели!

У него глаза забегали:

— Нет, я вечером собирался...

Стыдно идти с прислугой. У Вас. Ив-ча живет, пристроился у товарищей. «Нет, меня тут Н. Н. хотел устроить у одного присяжного поверенного». Обед — щи, каша, мясо. Обедает у нас: «С удовольствием! Уже пять дней, можно сказать, толком не ел!» Ноет, грустит — куда теперь деться? В гостиницу — ну, по 75 коп<еек> в день, еда, то, другое...

— Можно войти?

— Можно.

Входит она, он стоит в жилетке.

Вошел в кухню, когда она в белой кофте и юбке умывалась — вся в мыле, убежала, он умылся, разговаривает с кухаркою, а та ждет, с высыхающим на руках мылом. Впоследствии, когда ему сказали, удивленный: «Чего она? Ведь я же все равно ее уже видел».

Распекание. Он растерянный, смущенный:

— Вы меня не так поняли, я вовсе не собирался в гостинице жить. Я, конечно, человек необразованный, вы вот видели, как я письма пишу; конечно, не так сказал, как вам нравится, извините. А я человек честный, я три месяца в тюрьме сидел.

— Речь совсем не об этом...

Он облегченно вздохнул:

— Как вы заговорили, я уже испугался, думал, не пропало ли у вас что. Вы извините меня, что я вас обидел.

Купил мне токарный станок — стоит 85 р<ублей>, плакал, говорил, что безработный — уступили 10 р<ублей>. С гордостью рассказывает.

Собрание, пристав прерывает докладчика («возможно, что и Вторук думу не только разгонят, а и перестреляют, переколют штыками»):

— Прошу вас не выходить из темы.

— Да это относится к теме.

— Правительства прошу не касаться!

В пубlike:

— Правительство у нас святое, хе-хе-хе!..

— А ты как здесь? Я думал, ты черносотенец!

В разгар речи рядом, удивленно: «Ишь, доселе мухи летают!» (декабрь).

«Идейная» мастерская на кооперативных началах. Рабочие первым делом потребовали жалования. Через каждую неделю предъявляют требование повышения расценок. Уполномоченный от рабочих оскорбил заведующую, обругав ее скверным словом. Она потребовала третейского суда, признали его действия неправильными, но извинения отвергли: «Труд перед капиталом не извиняется». После собрания многие ей выражали сочувствие: «Дикий народ», но на собрании молчали. В конце концов дело распалось. Рабочие заявили заведующей: «Нам гуманные предприниматели не нужны».

— Тут уж мне...

— Старику! — подсказал Л. И., подобострастно смеясь.

— Да.

В типографии управляющий, оч^{ень} либеральный и гуманный, обходит типографию с инженером, ставящим машины. Подходит рабочий, на к^{отор}ого записан штраф за пьянство, подвыпивший, объяснение.

— Приходи завтра, мы это разберем.

— Нет, сейчас.

— Завтра.

— Вы что же думаете, я пьян, что ли?

Бросился, схватил за горло, повалились, стал бить. Инженер и табельщик оттащили его. Ушли в контору. На табельщика бросилось 15 рабочих и избили его за заступничество так, что его свезли в больницу.

Л. И. сильно ревнует жену. Она дает уроки на гитаре, он с нею вместе ходит на уроки, сидит пока в гостиной. Однажды она играла на гитаре у учителя, все ее хвалят, он подошел к ней с изуродованным лицом и тихо сказал: «Когда я достану работу, я у тебя гитару отберу». К ним пришла Х-ч, она идет на урок:

— Ну, 10 м^{инут} я могу вам поиграть.

Потом уходит; Л. И. — беспокойно бегают глаза:

— Ну, вы ведь со мною одним не останетесь?

Она:

— Я вас подвезу на извозчике.

Обе поехали, а Л. И. побежал так, она подъезжает к дому, где дает урок, — он:

— А я уже здесь — скорей вас пришел!

(Забастовщику) — Вы что требуете?

— Мы требуем, чтоб нам дали то, что неотъемлемо.

Мужик по поводу военно-полевых судов:

— Жизнь человеческая бесценная, за миллионы ее не купишь... Богом данная!

В тюрьме сторож С. С-му, к^{отор}ого полюбил:

— Говорю тебе, С. Н-ч, ваше дело не попрет! Поляки вас завлекают.

Через несколько дней в тюрьму привели партию мужиков, его земляков. Весь вечер с ними шушукался, попросил у политических для них сахару и чаю, ходит задумчивый.

Член управы, черносотенец: «Россия все время страдала не от недостатка свободы, а от избытка ее. Крепостного права никакого у нас не было, это все выдумали либеральные газеты».

Забастовали в одном парке, требуя увольнения заведующего инженера, разводившего сыщиков. (Один из его ставленников, вопреки общему уговору, остался на сверхурочные работы, один рабочий обругал его сыщиком, тот пожаловался — и его уволили.) Перекинулось на другой, на третий парк. Х. докладывает в эл(ектро)станции, доклад непроизвольно дышит неистовой злобою к инженеру, с к(отор)ым ему пришлось иметь дело. (Его ответ: «Видите ли, я вам совершенно откровенно скажу: мне не нравится *дух*».) Все единогласно — поддержать, забастовать! Х.: «Пока не ходят трамваи, мы тем самым не работаем, сейчас не имеет смысла, если наберут, захотят пустить хоть несколько трамваев, тогда мы и забастуем. Сейчас 23—24-го получаем жалование, а то не получим». Свист, шикание, упреки в трусости — «где же товарищеская солидарность?» Единогласно решили сейчас же, хотя делегаты от забастовщиков согласились с Х. А все — беднота, б(ольшею) ч(астью) семейные.

Вечером:

— Хочешь почитать книжку?

— Нет, не надо. Буду сидеть и улыбаться, думать о своих ребятах. Славный народ.

Стихийно <бастует> одно предприятие за другим, возражения сознательных: обречено на полную неудачу, нету соответственной общественной атмосферы, соответств(енных) обществ(енных) условий. Ничего не хотят слушать, накопление энергии и злобы, уже забастовав, вырабатывают, какие предъявить требования. Через неделю будет реакция, уныние и начнутся обвинения тех же, кого теперь укоряют в трусости.

Сол(датский) б(унт). Ощущение — растет, ширится сила (во время митинга). Во время бунта — та же сила вспухла и в безумии забила через край.

Х. рассказывает про свои объяснения с инженером, что против него — всеобщее озлобление...

— Э, не беспокойтесь! Вы меня не запугаете, я не трус! У меня вот револьвер...

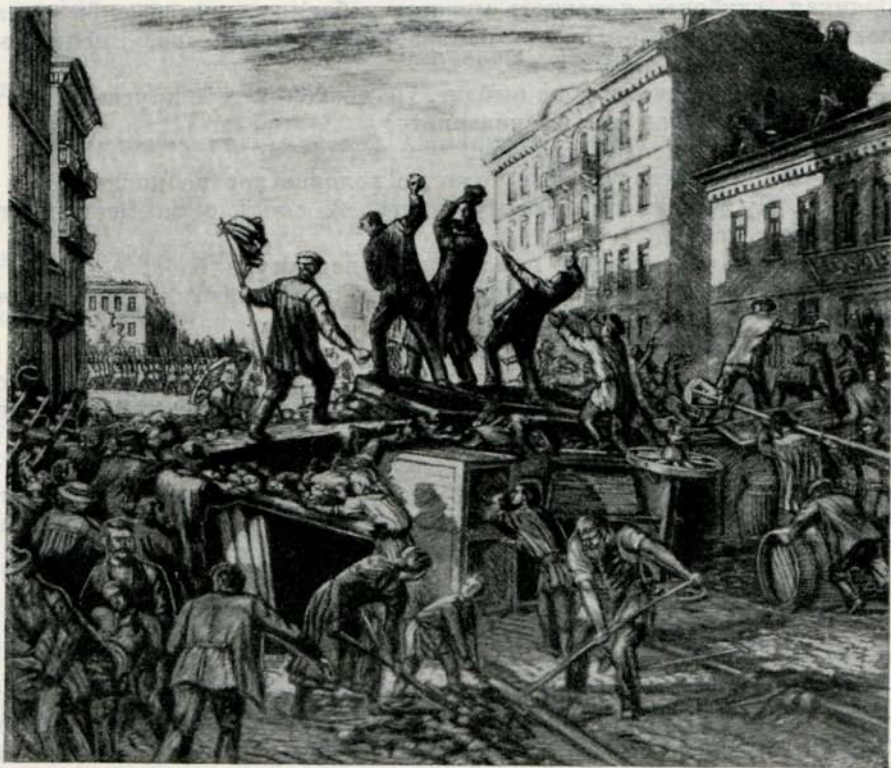
Х. с усмешкою:

— Вся его храбрость в револьвере.

Тим. — по душе постепеновец, приверженец «реальной политики». Вначале отталкивает меня своим «мещанством», затем все больше внушает уважения. Его любят и рабочие, и начальство, а говорит всем правду в глаза, рискуя многим. В очках, сутуловатый, бесцветный, говорит, глядя в землю и лишь изредка неостанавливающимся взглядом проскользнув по лицам слушателей. В одном парке забастовали рабочие — начальство хорошее, пользуясь этим, ничего не делают, мутят. Прямо заявил: «Вы позорите рабочего, с жиру беситесь, об общественном достоинстве не думаете». При выборах прямо о кандидате, при нем же: «Нет, он прохвост и пьяница». Поднимается оратор — фатоватый, сыплет трескучими революционными фразами, формально все приемлемо, вдруг председатель Тим.: «Будет, садись! Ты — шулер». И все знают, что если Т. сказал «шулер», значит, правда шулер.

Рабочий: «Вы можете ждать возрождения общества в отдаленном будущем, а нам так плохо жить, что если не будем надеяться — вот придет через 10—15 лет — то сколько бы из нас горло себе перерезало!»

Масленица. Все пьяно. Землистые лица мужчин, худые или зеленова-то-бледные, некрасивые лица женщин. Нищий с хриплым, пьяным голо-сом говорит дающему ему копейку мастеровому: «Потому и не прошу у богатых. Богатый разве что поймет!» Подвыпившие стараются толкнуть плечом прохожих, прилично одетых. Глубокая ненависть. Сливается из толпы один образ искаленного нуждой и трудом <народа>*, и понят-но как все должно охватываться одною мыслью о завоевании другой жизни.

1905 ГОД. НА БАРРИКАДАХ

Гравюра Ф. Д. Константинова, 1940 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

По панели в толпе следом за двумя дамами идет подвыпивший моло-дой оборванец, низкого роста, с сильно гнусавым голосом: «Вы меня оскор-били! Вы мне нанесли оскорбление!» С улицы другой кричит: «Сашка, брось! Идем!» Тот спешит за испуганно уходящими дамами. «Какое вы имеете право наносить мне оскорбление?— гнусит он.— Тьфу! Тьфу!»— плюет сзади в спины дамам. Через четверть часа он же, трепыхающийся от злобы, стоит, прислонясь к косяку двери портерной, смотрит в закры-тую дверь и злобно гнусит какому-то невидимому, вошедшему в портер-ную: «Стерва!..» Помолчит и опять: «Стерва!..» Еще через полчаса иду — кто-то кричит: «Городовой! Возьми его!» Городовой было пошел, но по-вернул назад: масленица, брать избегают. Стоит тот же оборванец и гнусит вслед: «Возьми его!.. Стерва... На-ко, возьми!..»

* В рукописи Вересаева описка: образа.

Враг противен, внушает гадливое презрение и презирающую ненависть. Гнусен, грязен он. Лжив и фальшив.

Вырождение революции. Экспроприации — сначала оружия, потом казенных денег, потом прямой грабеж — артельщиков, купцов, дачников. Тщательно воспитываемая ненависть к «буржуазии» выродилась в отношение к каждому состоятельному человеку как к такому, к^(отор)ого можно убить, ограбить.

Большая, глубокая ненависть мужика к барину, уже не скрываемая, высказываемая открыто. Барыня собирается продавать свое имение, мужики требуют, чтоб продала им.

— Все равно, иначе дело не выйдет. Не позволим тебе другим продать.

— Т^(о) е^(сть) как же не позволите?

— Да так, конец тебе сделаем.

— Убьете? Ну, брат, за это тоже по головке вас не погладят.

— Знаю. Ну, что ж, на каторгу пойду! А сколько за меня другие поклонов положат!

— Да какой еще поклон положишь, — вздохнула баба.

— Э-э, батюшка! Такие поклоны там не принимаются! Они в зачет не идут!

— Ваш бог не зачтет, а наш зачтет!

(Разговор идет весьма добродушно — не деловой разговор, а просто беседа. Пришли мужики по поводу забранной ими в прошлом году семенной ржи, к^(отор)ую обязались возвратить из ссуды, но до сих пор не отдали.)

— Я с вас не требовала, п^(отому) ч^(то) знаю, как рожь дорога была зимою. Сама по 1 р^(ублю) 50 к^(опеек) платила, а с вас не требовала. И теперь новой не требую — знаю, сколько ее у вас, ржи-то!

— Да где же!

— Ну, вот. Требуется, чтоб отработали, связали рожь.

— Почему?

— По 2 рубля вяжут с десятины.

— Нет, не годится дело. 2 р^(убля) 50 к^(опеек).

— Да поймите, за деньги вяжут по 2 р^(убля), что же те скажут? За долг, за отработки по 2 р^(убля) 50, а за чистые деньги — 2 р^(убля). Я вас тогда пожалела — сколько бы вы за рожь кулакам бы отдали?

Те стоят на своем, порешили вот как. Она:

— Ну, хорошо! Без денег! О цене мы не говорим! Никакой цены нет. Просто: пополам вязать рожь и овес (овес вязать легче и дешевле).

Согласились.

Намекают, что подожгут.

— А мне-то что! У меня все застраховано в хорошую цену. Еще спасибо вам скажу.

— Да мы страховых агентов не допустим.

— Ну, этого пока еще не бывало! Я тоже русский человек, не испугаюсь! — говорит она.

Две соседние деревни хотели купить части имения, прилегающие к ним и им страшно необходимые (очень стеснены выгонами) — Ушаково и Венюковка²². Ненашевцы²³ слышать не хотят — все чтоб им. Имение — около 1000 дес^(ятин), земли им будет слишком много, но ничего не хотят знать.

С другим разговор. Бледное, испитое лицо фабричного, неприятное: когда начинает говорить, лицо становится задумчивым и светлым.

— Отчего у нас мало земли, а у тебя тысяча десятин?

— Отчего! Я тебе прямо скажу — сила!

— Сила! Вот! Ну, а как соединимся, пойдем, то сила наша будет. Господ наших пустим к чёрту!

— И меня захватите? — смеется М. Л. (перед этим хвалили ее, что хорошо обращается с мужиками, дает им на сходных условиях землю и выгоны (ушаковцы). «Ты у нас, барыня, орел!» «Ого! Вот в какие птицы произвели!»)

— Да уж и тебя захватим! — смеется Х.

— Так.

А вдаль по дороге пыль пошла...

— Казаки едут? Знаем, барыня, знаем! Потому до времени и не трогаем вас. Дай с силою собраться!

Она:

— Ну, поделили вы землю. Сколько на человека придется?

— Знаем, барыня, расчеты нам известны: по четыре десятины.

— Нет, не по четыре. А из города, ты думаешь, на даровую землю не налетят? Себе не потребуют? Давать, так уж всем давать, почему вам одним? А что тогда пойдет по России?

— Э, что ни пойдет! Что выйдет, видно будет. А вас снять нужно. Там дело увидится!

Все организации среди крестьян распадаются за отсутствием дела. Дело объединяло. Руководитель придумал дело — копать большое подземное помещение якобы для склада оружия. И копали дружно, и пока работали, все были объединены.

Мужики: «Вот как нужно действовать. Присылайте нам ораторов, пусть они нам объяснят, кто за нас стоит, кто против нас. И всех тех жечь и убивать. Охрану оратору мы уж сами дадим, полиции до него не добраться».

Х. — раньше из получавшихся ею 50 р<ублей> проживала 17 р<ублей>, остальное отдавала на партию. Теперь — изящно одетая, швыряет деньги, живет роскошно. Товарищи с болью подтверждают, что стала максималисткой.

В деревне (соседней) убили торговца: под вечер зашли пять человек, купили в лавке баранок (раньше пили в соседнем селе), три пошли было, другие двое: «А что же, ребята, дело-то хотели делать?» Воротились, искололи ножами купца, из соседней комнаты бросились люди, эти стали стрелять, прострелили бабе руку, скрылись. Говорят, убили за то, что он сообщил соседн<ему> помещику, большому кулаку, что его мужики собираются поджечь.

Арендатор. Уборка сена с четвертой копны и еще по 2 руб<ля> приплаты (с чего?). Забастовка тут сделалась, приехали из городов молодые. Подбили стариков — приговор написали, не убирать иначе как пополам. Если баба пойдет, — двор платит три рубля штрафа. Тоже соседнее село — обменялись приговорами. Большие села по 400 дворов, а остальные мал<енькие> деревушки. Отказались. Достал три косилки, скосил 15 десятин, бабы не идут. Собрал где-то человек 50, трясут. Узнали молодые пошли, зыкнули — бабы, известно, что овцы, бежать. Лежит сено, гниет. Приехал арендатель мириться, 50 р<ублей> на водку, наши еще больше раскуражились — пополам! Предлагает из третьей копны. Нет. Наутро приехал нас охмелять, еще 25 р<ублей> выкинул. На

прежнем. К губернатору, приехал с 15 казаками, 15 казаков на станции оставил. Собрал сход, во фронт, шапки долой!

— Вы что тут, бунты устраивать?

— Никак нет, мы бунта не делаем.

Объяснили, что нам без этого невозможно. Он к арендатору: «Как-нибудь поладь с ними, а то что это? Во всей нашей губернии нет бунтов, а ты тут бунт разводишь». (Стал арендатор смирный, как сирота, говорит нам: «Что же это, последнее пальто с меня снять хотите? Удав на шею надеть?») «Я, говорит, по их цене не могу, я разорюсь».

— Уступи им аренду.

— У меня от казны заказы.

— Солдаты — они теперь смирны не душевно, а только наглядно.

— В лучшей мере.

— Я, брат, и сам меж полом и потолком родился, промеж четырех стен.

Беспомощный, как опрокинутая на спину черепаха.

Свежий и душистый, как только что сорванный в саду ландыш.

Ходит, как петух с отмороженными ногами.

Истеричная, как курица.

* Еще в Твери, офицер:

— Мало ли что ты прямо стоишь! У тебя вид дерзкий!

Один покался, другой:

— Нет, я правильно поступил!.. А что ты говоришь... Я, брат, теперь тебя понял: ты сам из энтих... И на тебя пойду скажу.

Однажды в воскресенье — «выпьем», пошли вместе в лес.

Сочувствовал, но *те* остались прежними для него, с внушенною к ним ненавистью и враждою. Писано <?> было то же, что он слышал от Х., но вдруг желание поймать, схватить. В ухо. Держи! Представили <?>.

Кадет — начинает с декабристов. Возражает рабочий:

— Мы уж привыкли, — когда кто приходит к барину, он первым делом показывает вам свои фамильные портреты.

«ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ»

Учил<ище>. Было неск<олько> ар<естов>. Доносы на училище, на веблагонамер<енный> дух. Приезжала комиссия от минист<ра>, признала несостоятельным. Вдали на шоссе, соединяющем училище с городом, однажды пыль, род дрожek; тов<арищ> прокурора, исправник с помощником, жанд<армы>**. Луб<очная> картина «властители всего мира»,

* В тетрадь вложен листок, на котором среди записей, тематически не связанных с публикуемыми набросками, есть две, видимо относившиеся к замыслу повести.

** Далее в рукописи зачеркнуты фразы: Всеобщее напряжение, негодование. В акт<овом> зале они все, начальство.

«ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ»

Литография с рисунка
М. М. Чемоданова
(«Червь»)

«Жало», 29 ноября 1905 г., № 1
Цензура сняла текст подписи под
карикатурой: «После грандиоз-
ной, беспрецедентной в истории
мира, Всероссийской Первой
Всеобщей политической забастовки в октябре»

в центре большой портрет русск(ого) имп(ератора). У него оказались выколотыми глаза. Служители допрашивают, к(отор)ому принадлежит картина, — лабораторный (вход туда женщинам запрещен)

— Ходили ученики?

— Ходили.

— Кто?

— По фамилии знаю одного — Петров. Других в лицо бы узнал, а фамилий больше не знаю.

— А Грызлов еще? — вдруг спросил пом(ощник) исправника.

Исправн(ик) на него быстрый взгляд, тот покраснел.

Дир(ектор):

— Какой Грызлов?

П(омощник) испр(авника):

— Нет, мне показалось, еще фамилию он сказал... (Важно им установить, что давно.)

Допрашивают друг(ого) служителя, тот:

— На Фоминой не было.

Испр(авник):

— Не было? Взять его в участок, там ты у меня правду скажешь.

Арест(овали) неск(олько) служителей и учеников, тот, кому принадлежала картина, через неск(олько) дней выпущен, гуляет на свободе. Однажды Х. увидел инкриминир(уемую) картину у него еще неделю назад, сказал:

— Убрал бы, а то м(огут) б(ыть) неприятности.

Тем не менее осталась. Пом(ощник) и(справника) говорит как-то:

— Простой мужик, а каких радикальных взглядов, удивительно.

Через некот<орое> время на шоссе опять пыль. <Арестовали> ученика Баскакова (сын земск<ого> начальника, ярый патриот, предлагал организовать среди учеников партию борьбы с крамолой). На ферме ругал ц<аря>. Рассказывал о горе ц<аря> по поводу взятия Тюренчена ²⁴, что японцы и раньше его обидели, во время путешествия ²⁵. Уже напряженная атм<осфера> доносов, только слышали слово: «ц<арь>» — и донесли. Допросы скотниц, учеников, работников. Все в один голос, что говорил патриотически. «Сговорились». Всячески стараются баб навести распрсами на нужное.

Всёобщее напряжение. Негодование. Допрос в актовом зале, стеклянные двери. Ученики теснятся, выслали надзирателя, его освистали и ошикали. Он очень огорчен, подавлен. На след<ующем> совете — что делать с Гусаровым (единств<енный>, к<отор>ого заметил в лицо). Х.: «В педагогич<еском> отношении нехорошо наказывать одного за всех». Большинство: «Тройку за поведение со всеми последствиями (лишение стипендии, ограничения в практических работах) и выговором перед всеми учениками». В зале директор перед собранными объявляет. Толпа медленно начинает колыхаться, ворчать, движется вперед, потупившись, глядя в стороны. «Мы все... Мы тоже участвовали...» Вдруг один, решительно, подняв голову:

— Я то же самое делал!

— Что же?

— С демонстративн<ыми> целями производил шум и свист.

— И я! И я!..

В советскую призывают поодиночке, некоторые в последний момент струсят.

— Что вы делали?..

— Я... я... По случаю отпуска я производил шум, веселясь и прыгая.

— Ну... ваше геройство граничит с идиотством.

Некоторые, чтоб сохранить невинность и приобрести капитал:

— Мы сочувствовали товарищам и не удерживали их.

— Ну, за чувства не карают.

В результате — всем по тройке без последствий.

Совет обратили в какую-то молотильную машину. Исключает одних, арестованных, другие массами подают прошения об увольнении (все равно, выгонят). Сняты во всех классах все сливки.

Двое, экзотически верующие, отказались представить свидетельства о говении. Один: «Это мое личное дело, дело между богом и мною. Я могу 40 раз в год говеть, а бумаги не представлю, п<отому> ч<то> нельзя мешать божие с кесаревым». Срок — до завтра 6 ч<асов> веч<ера>, либо представить свидетельство (знают, что говел), либо подать прошение о выходе. Первый (за месяц до выпускного экзамена) подал прошение об увольнении, второй представил свидетельство. Сколько душ ломается! Первый заходил к Х. посоветоваться. Тот: «Тут совета невозможно давать, нужно действовать, как совесть приказывает». Тот сконфузившись: «Верно!»

Чувствует себя, как клеточка в организме, охваченном тифом.

В окрестных деревнях мужик, раздает всем нелегальные книжки, его не трогают, но всех, к<отор>ые берут, очень быстро забирают. Общая атмосфера предательства, недоверия. Х. подарил Степану на праздник Евангелие. Тот смущенно взял, потемнел. На след<ующий> день нерешительно спрашивает:

— Говорят, есть Евангелие Толстого?

— Да, есть.

Вздыхнул, вышел. Через два дня приходит, просветлев:

«ЕГО РАБОЧЕЕ
ВЕЛИЧЕСТВО
ПРОЛЕТАРИЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ»

Гравюра с рисунка
И. Грабовского

«Пулемет», 1905, № 2
Обложка

— Взяли у батюшки Евангелие, сверили с вашим — слово в слово так и есть, как в одном, так и в другом. (Брат ему, как он сознался, внушил недоверие; может, бог знает что!)

В городе к училищу тупой страх и злоба; говорят, что все — японо-филы, что в лаборатории готовят бомбы, что учителя ходят с учениками в лес для «пропаганды». Общая злоба на училище: город пожертвовал 260 дес(ятин), думал, будет выгода — поднимется торговля, жильцы-ученики с семьями. Между тем все припасы изготавливаются на ферме, выписываются из Москвы, ученики в общежитии. Городской голова был в строительном комитете, сильно нажился, теперь решили строит(ель-ный) комитет упразднить, от головы требуют отчета.

Батюшка, потирая руки: «Удивительно, что здесь на совете ни гово-рят, в городе все знают».

Базаров, был исключ(ен) из Лесн(ого) инст(итута) 4-го курса. Был преподавателем, поехал кончать в Лесной. Взят был на сходке, исключен и выслан из Петербурга. Жанд(арм): «Вот, вашего учителя выслали из Петербурга».

Решили выйти. К. «свирепо». Х. «Я не враг компромисса, но есть изв(естная) граница. Молотильная машина». Свиреп: «Знаете, по моему мн(ению), в нынешн(ее) время всякий педагог должен держать проше-ние в кармане». Х. понял, что согласен (?).

— Вот именно такое прит(еснение).

— Вы идеалист, вы обо всем судите с теоретической точки зрения... Вы это отрицаете, но это так. А нужно на дело смотреть не с теорети-ч(еской) точки зрения, а с похабной. Я предлагаю — всем нам на столе в советской нагадить. Прямо на сукно. Вот мое мнение!

В 9 ч(асов) веч(ера), август, темно, тучи низкие. Лестница из ножек венских стульев, по другую сторону стены — веревка. Часового схвати-ли, повалили, скрутили руки, два носовых платка в рот, один сел на него, другие — по лестнице, спустились по веревке (обжигая руки). Сторожившие дали сигнал об опасности, сидевший бросился, но не к ле-стнице, а в толпу (тем временем часовой почти уже распутался, вскочил,

выстрелил; тревога). Те, спустившись, побежали по широкой поляне, засаженной капустой, шум от нее и топот, далеко слышно. Несколько раз сталкивались. Глубокий ров — многие в него кубарем (хотя были предупреждены). Некоторые потеряли шляпы, перепачкались (на дно оврага сваливали навоз, труху из матрацев из больницы). Во все стороны. Неск(олько) человек условились сойтись на берегу реки, к лодке, и — вниз по реке, ждали две девушки-гимназистки. Пришел только один, до утра дождался, спал в кустах, уехал один.

Другие — в кустах лежали, погоня с фонарями совсем мимо, паралич в коленях от страха.

Трое в городе, шляпа только у одного, дождь. Пришли к назначенному адресу, переулоч такой-то, № такой-то. 10 ч(асов) веч(ера). Звонятся.

— Здесь полковник Х.?

— Нету. Вы кто?

— От офицера У.

Очевидно переменили название пер(еулк), новый, м(ожет) б(ыть), переименован. Рядом из-за забора лают собаки. Отправились к родственнику одного, содержателю трактира, чтобы дал лошадь и шляпы, выехать из города. Тот страшно испугался, единственно на что согласился, дал одну шляпу, старинный, огромный, шершавый цилиндр. Страшно голодный, дал селедку и бутылку водки, распили. Двое притворялись пьяными и наняли извозчика в пер(еулке), надеялись, что он привезет куда надо. Привез опять туда же. Объяснения, неудовольствия, извозчик предлагает позвать городского.

— Ну, бог с тобой!.. Видишь, мы немножко подвыпивши... Не хотим в участок попасть!..

Расплатились, пошли, взяли другого извозчика, путались, путались, в конце концов приехали в дом терпимости и там переночевали. Один — везде пользуется жизнью, другой — противно, а нужно лежать (св. «она пела, свободно отдавая свои плечи» и т. д.).

Третий ходит по улицам, дождь, в одном пиджаке, промок. В глухом пер(еулке) навстречу чиновник, под зонтиком. Загородил ему дорогу, вытянув руки, притворяясь подвыпившим.

— Что вам?

— Послушайте, у вас пальто, зонтик и шляпа, а у меня ничего нет... Поделитесь.

Высокий, крепкий. Разговор.

— Я вам заплачу.

Старговались за пальто 4 р(убля). Разошлись.

С. — за время, как был предводителем дворянства, растратил дворянских сумм на 17 т(ысяч) руб(лей). (Получал, напр(имер), из казначейства дворянский налог (? название), а в книги вносил: на канцелярские расходы — 10 000 (раньше — руб(лей) 500)). Противная партия готовит удар к выборам. Он за две недели умер. Те все-таки хотят, чтоб дискредитировать противную партию, втайне, чтоб не успел узнать брат, к(отор)ый внесет сумму, чтоб не позорили его фамилию. Те проводили, во время собр(ания) встает прис(яжный) пов(еренный) Л. и заявляет, что С. назначил его душеприказчиком и оставил ему 17 т(ысяч) р(ублей) — на случай, если окажутся какие-нибудь случайные недочеты. Требуют у него доверенности, формального удостоверения, что он душеприказчик; отвечает, что «словесно». Возражают: он всем остался должен; брал у всех волостных старшин (т(аким) о(бразом) подвел их под суд за растрату — брал из волостных сумм), у всех, служащих под его начальством, у сторожа земской управы, получающего 8 р(ублей), занял все его сбе-

режения, 1000 р<ублей>. Говорят: мы не вправе брать все деньги, он, значит, несостоятельный должник, и все кредиторы должны получить, как всегда в этих случаях, — по одинаковому числу копеек на рубль. Другие возражают: это не наше дело, нам растрата восполняется, больше нам ничего не надо.

— Да мы юридич<ески> права не имеем принять, так как г<осподин> Л. никаких юридич<еских> доказательств своих полномочий не представил!.. (А тем важно именно это покрыть.)

Ехал с ямщиком, рассказывает: «Раньше, при вступл<ении> в должность Л., был в ч. земск<ой> упр<аве> буфет — Л. его уничтожил. Когда стал С. — большой питух и кутила — буфет расцвел; все пьяные». По закону, когда набор идет, торговлю вином везде закрывают, а в «земском доме» буфет всюю торгует, только за сороковку вместо 20 к<опеек> берут 80. Умер С., похоронили в построенной им церкви-школе в его селе. Ямщик: «Тоже, где похоронили! Думают церковь им освятили или его церковью... Падаль был, падалью и останется».

Мальчики, идут впереди, сцепившись за руки.

— Зачем вы?

— Нам нужно впереди идти.

— Почему? — спросила Х. с улыбкой.

— Мы с малых лет должны приучаться идти в первых рядах.

— Вас будут бить казаки, в вас будут стрелять...

— Согла-асны!..

Идет по улице, навстречу ей молодой рабочий, оживленный, с блестящими глазами.

— Здравствуйте, товарищ!

— Здравствуйте.

Солдат выворотил карманы, отобрал все деньги. Он взглянул на его ноги. Отошел 20 шагов — тот ему вдогонку выстрелил.

Оратор на япике; прилично одетый конторщик:

— Мы сюда собрались праздновать манифест.

— А ты послушай, что оратор говорит...

— «Манифест добыт борьбою, он не дан, а завоеван нами...»

— Это как же это? — в недоумении сказал конторщик. — Это, значит, стачка!..

— А вон видишь, губернатор стоит...

— Как же это?..

— Это не стачка, а свобода! Вот что!

Пьяненький рабочий.

— Сколько народу нас шло (на митинге), валом валили, и полиции совсем не видать — даже у торговки н-ни одного яблока не стащили!.. Ничего не тронули!

— Ну, так как же иначе? Что вы, разбойники, что ли.

— Вот, вот, я это самое и говорю: н-ни яблока не стащили! Ни стручков, ни подсолнуху — ничего!

Извозчик городовому: «А ты что ж тут стоишь? Не знаешь, что там делается?»

Городовой машет рукою: «Без нас теперь обойдутся. Не наше теперь это дело!»

На гл<авной> улице демонстрация, речи, кр<асные> флаги. Слухи — с Площадной идут черносотенцы, действит<ельно>, — лес национальных флагов. «Боже, царя храни!» Вперед продвинулась боевая дружина, вдруг крики — и сзади! Действит<ельно>, и от Воронежской²⁶. Разделились. «Не стрелять, пока те не будут стрелять!» Оч<ень> быстро оттуда последовал залп, дружина в ответ. За черносотенцами стояли ка-

заки и солдаты, выстрелы, зазыкали пули, все бросились к тротуарам, все двери и ворота заперты. Жмутся к калиткам и подъездам, бледный мальчик лет 14, прижимая руку к боку: «Ай, ай! Настоящие пули, я ранен!» Х. хотела его осмотреть, он посмотрел на нее и побежал в сторону, повторяя: «Настоящие пули!» По улице панически (?) бежал К., наклонившись, закрывая голову поднятым локтем, как будто над ним вился рой пчел... Посреди улицы под национ<альным> флагом лежит человек, Х. колеблется — нужно подойти к нему, в это время к нему подбегает рабочий с красным значком, флаг отворотили, и из-под него человек, поднявшись на локте, в упор выстрелил в подбежавшего (пробил плечо), тот бросился назад. Человек продолжает лежать, еще подстрелил так троих, потом его один подбежал и ткнул чем-то в живот, несколько человек, убегая, в упор стреляли из револьверов в лежащее тело. Обезумевшая женщина среди улицы, под пулями, яростно рвет на клочки национальный флаг. Бегут, лежащий рабочий с раздробленной ногою, в отчаянии: «Товарищи, не бросайте меня! Боже мой, боже мой! Жена у меня, дети!..» Они остановились, подтянули его подмышками к какому-то крыльцу; видят, в двери щель — налегли, дверь подалась; наискосок по улице бежит несколько молодцов из холодных лавок, с дубинами; они неслышно все юркнули в дверь, заперли за собою; наверх крутая каменная лестница, наверху площадка, от к<отор>ой в обе стороны по двери. Раненый стонет, перебитая нога мотается. «Ради бога, товарищ, не стоните. А то услышат черносотенцы и вломятся или сверху выйдут — бог знает, кто там живет!» Дали ему закусить зубами полу пальто. Сверху вышел П. — раненого втащили на площадку, тот вынес воды — только, если нет револьверов и значков! Револьверов не было, несколько значков уничтожили... К себе в квартиру не пускает, только один рабочий, смертельно истомленный, в передней в углу заснул. Вышел из противоположной двери К. — чего же он тут лежит? Внесли к нему в квартиру, перевязали.

В другом месте — сошлись (?) в квартире какого-то полковника, черносотенцы ломятся в дверь, полковник: «Уходите, я не сочувствую революционерам!» Девушка отвечает: «Выгоните нас, мы не отойдем от раненого». Полковник сконфузился, раненого внес в спальню, остальные попрятались по чердакам, он вышел, прогнал черносотенцев, возмущившись от их предположения, что у него м<огут> б<ыть> революционеры.

— Вот видите, что значит военное слово. Вы меня теперь ни в чем не можете упрекнуть.

Она, удивленная:

— Но ведь вы были бы подлецом, если бы поступили иначе!

В подвале неск<олько> человек, между ними с<оциалист>-р<еволюционер> с револьвером.

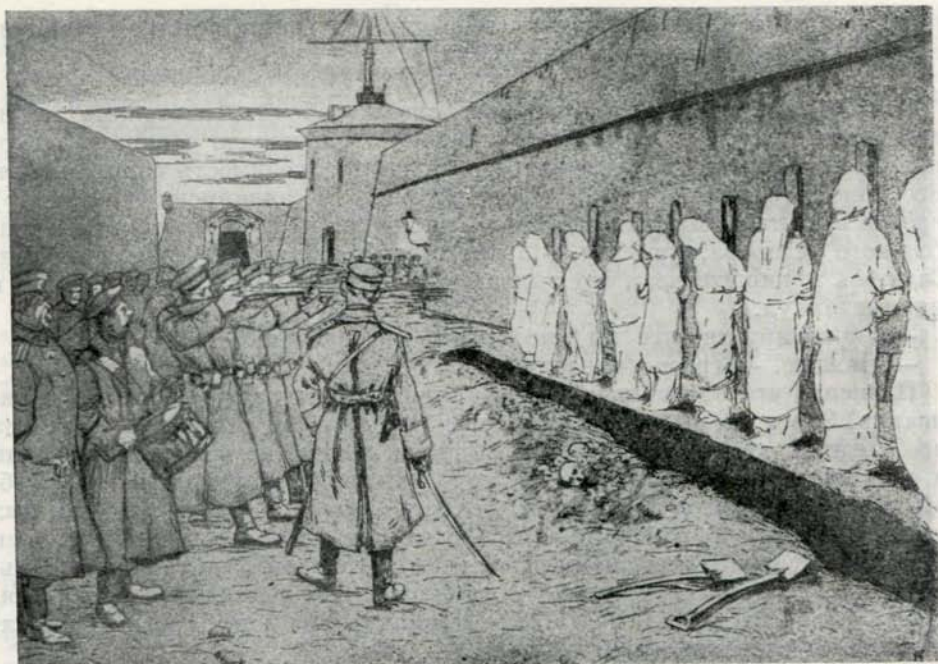
— Боже мой, а я здесь сижу!

— Какой же смысл теперь идти?

— Все равно, я должен умереть на своем посту.

И выбежал. Черносотенец ударил его здоровенным кулаком в лицо, набросилось несколько, бьют, он упал. Окровавленный, с раздутым залитым кровью лицом привезен в больницу.

Подъезжают к больнице кареты скорой помощи, у больницы толпа черносотенцев, открывают дверцы кареты, смотрят, кого везут; если революционера, избивают. Одного раненого привез человек в пальто; говорит доктору: «Только его надо обыскать, у него, кажется, револьвер. Я казак!» Врач, сурово: «Тут обысков не полагается!»

«НА ЗАРЕ»

Рисунок Н. И. Шестопалова

«Маски», 1906, № 3

В больнице рядом раненые черносотенцы с рабочими, через месяц первые: «Если бы мы знали! А нам-то полиция про вас наговорила!..»

В вагоне 3-го кл<асса>, много народу, дама обращается к двоим парням, курящим махорку, просит их не курить. Те, улыбаясь: «Почему же это не курить? Мы желаем курить». Та вежливо их упрасивает, те: «Что же, мы можем выйти, а только почему же такое? Все люди». Собираются уходить, вдруг старый мужик в армяке, стоявший в углу: «Все равно, я закурю! Все небось люди — чего на них смотреть?» Начинает курить сигарку, три помещика в енотовых шубах протестуют, тот им в ответ злорадно отвечает, господа в это время закуривают папиросы.

— А, вот как... Нарочно самую трубку вонючую закурю!..

— У нас табак хороший...

— Э, какой! А у меня такого нету, давай твоего табаку, закурю.

Господа крикнули жандарма на станции, тот постарался податься, как будто не слышит. Призвали, тот неохотно мужику:

— Ну, что скандалишь, видишь, господа сердчают, — и вышел.

Мужик смеется:

— Мне плевать на жандарма, времена не те. Много вы из нас крови пили — будет, довольно. Всем скоро воля будет равная!

На сходке рабочих один рабочий: «Товарищи! Что нам слушать этих с<оциал>-д<емократов>! Это трусы и баричи, интеллигенты! Довольно мы терпели, вооружимся и выйдем на улицу!» Его схватили и обыскали, нашли билет из охранного отделения с его карточкой; на весь вечер

выставили под электрической лампочкой для обозрения, потом арестовали, на след(ующий) день опять выставили.

Другой, чрезвычайно популярный среди рабочих, постоянно выбирается депутатом в совет, там ведет сильную оппозицию с(оциал)-д(емократ)ам, напирая на их доктринерство и на необходимость самого широкого демократизма. Город в руках рабочих. Ж(андармский) о(ффицер) передал им, что N сыщик. В 2 ч(аса) н(очи) за ним заехали для окончательного сговора, приехал — 8 чел(овек) вооруж(ены) револьверами: «Садитесь и пишите все, что выдали о нас». Тот почти не изменился в лице, вздохнул.

— Гарантируйте, что вы мне ничего не сделаете.

— Пишите! — грозно сказали ему.

Написал, что сообщил, затем стали расспрашивать вообще об организации. Знает от(ень) мало, до последнего времени за ним самим всегда двое следили, никого из др(угих) сыщиков в лицо не знает, всегда один на один докладывал какому-то Ив(ану) Никандровичу, получал 15 р(ублей) в ме(ся)ц, хотел избавиться, уехал в Оренбург (после того как был арестован вскоре с рабочими и просидел три недели в тюрьме, с теми обращались сносно, а его томили голодом и холодом), там получил письма от Ив(ана) Н(икандровича) с предложением немедленно вернуться. Иногда сообщал не всё — Ив(ан) Н(икандрович) его грозно уличал: на таком-то собрании было еще то-то и то-то.

Увели, три дня лежал у рощи. Его ярый приверженец, молодой, увлекающийся рабочий, сначала не хотел верить, убедили из его собственноручно написанных показаний. «Так вот что значит демократизм!» — стал ярым его врагом.

Собрание на митинге крестьян, председательствует «серый»²⁷. Несколько «кадетов», один из них читает доклад — выкуп земель, право собственности, если без выкупа, то масса погибнет обществ(енного) имущества, помещики встанут за свое добро, гражданская война. Кончил, моментально вскакивает на откуда-то явившуюся табуретку юноша, к председателю: «Моя фамилия — Х.» и начинает говорить против, указывает большим пальцем через плечо на референта: «А ко всему, г(оспо)да, должен прибавить, что докладчик — сам помещик! Нет, это не годится. Всю землю! Без выкупа!»

— Правильно, верно! Всю землю! Без выкупа! — отовсюду раздался голоса.

Другой оратор — что земля божья, над ней никто не трудился, никто ее не сотворил, и она должна принадлежать всем; это было бы все равно, как если бы закрыли солнце и отпускали его свет за деньги.

— Верно! Правильно!

Потом расшвелились, заговорили мужики. Один пьяненький, из задних рядов:

— Вот, видали! До чего дошли! У солнца взяли диаметр, разделили на ради(ус)ы и каждый ради(ус) продают за деньги!

Его убрали.

Мужик, основательный, докладчику:

— Неправильно, господин, говорите!.. А что насчет того, что помещики воевать против нас пойдут, так это вы оставьте: на одного помещика полтысячи мужиков придется; придем и без всяких разговоров, как наседку с гнезда, и снимем!..

Другой мужик, хозяйственный, волнуясь, не решаясь говорить против всего настроения, заикаясь:

— А вот, ежели как я... Весь век, можно сказать, трудился, корпел, кусок земли себе купил. Как красненькую ее холил... Да, значит... Как красненькую... Потом кровью деньги добывал... Что ж, и ее отнять?.. Как красненькую, значит... У помещиков — так, Екатерина ему сразу полмиллиона десятин отвалила...²⁸ А у мужиков отнимать нельзя...

Председатель, сдержанно:

— А представьте себе такое дело: скажем, было бы право ездить у людей на шее; вот вы потом кровью скопили денежек и купили себе у другого право ездить на моей шее... Как вы скажете, — имею я право сбросить вас со своей шеи, хоть вы и кровные денежки заплатили?

Хохот, одобрение. Начинает говорить батрак, безлошадный:

— Вот, вы говорили: земля ничья, земля божья. Ладно. Землю бог сотворил... Ну, хорошо; а лошадь как, ее кто сотворил? И лошадей надо поровну поделить.

Все заволновались, закричали.

— Не-не-не, брат, погоди, это не то! Как лошадей? Нет, бра-ат...

— Погоди! Ты, что же, лошадь себе сотворил?

— Я за лошадью ходил, бра-ат!.. Холил ее!

— А за землей ты не ходил? Землю не холил?

Ярые споры, возражения: землю брось — она и через десять лет та же будет, а лошадь без ухода пропадет.

— Небось, не пропадет! На эту же землю сама придет. А и землю через 10 лет, ты как скажешь, так же пахать легко? Что лошадь будет дикая, то и земля дикая!

Ярые споры, препирательства. Решают — фонд будет.

— Да что фонд! На кой мне чёрт твой фонд. Долой! — и ушел.

Был сельский учитель, трус и дурак; всегда пел на клиросе и т. п. После манифеста 17/X вдруг сказал речь мужикам, где доказывал, что бог предрассудок и «колокольня предрассудок». Мужики обещались его избить: «Ишь ты! Все был дурак, а то вдруг поумнел!» Учитель испугался и сбежал, заявил, что уходит по нервному расстройству; потом пишет, что это он лгал, что он был учителем в церк(овно)-приходской школе, что духовенство толкало его, а он толкал детей «в пропасть чувственности и мистицизма». Теперь ему поставлен «ультиматизм» и т. п.

Лв. — хорошенькая, розовенькая, глаза как будто подведены. Постоянно говорит другим тоном, и похоже, как актриса на сцене. Говорят, у нее замечательный талант, она первую выдержала экзамен на курсах Худ(ожественного) театра, но не могла поступить за неимением средств. Никого не стесняется. Входит, несколько незнакомых. Она: «Красная кофточка!» — «Что красная коф(то)чка?» Улыбаясь: «Вот, сшила себе красную кофточку». Общий смех, она недоумевает — почему. Приходят к ней — идем к нам. Она высунулась из окна своего подвала, несчастным, скорбным голосом:

— Нет, мы сегодня не можем прийти, мы больные, — и запирает окно.

— Слушайте, выгляните, мы вам шоколаду дадим.

— Ну, дайте.

— Приходите.

— Нет, мы не можем, у нас шуба распорота (говорит о себе «мы»).

Пом(ню) день, когда шли на д(емонстрации), — грустная, бледная, с щемящим чувством.

— Л., пойте!

— Нет, мне не хочется.

Х. думает, что боится, говорит:

— М(ожет) б(ыть), вам нездоровится, идите домой.

— Нет, я здорова, — ответила она жалким голосом.

Кругом грозные признаки, запертые ворота, к^алит^ки. Повернули на главную улицу, вдруг воспрянула, встряхнулась и ухарски запела. Потом сказала — было предчувствие.

Н. П. — сильная вражда ко всем знакомым С-ни, с ними холодно и враждебно, она просит место для одной пострадавшей — хорошо, попрошу! Но так и не просил. Рассуждение — имела место, потеряла, сама виновата, чего же теперь опять хлопочет, когда каждую минуту опять потеряет?

Ст^арик^а кавк^азец^а, сутулый и ловкий, один отстреливается от толпы.

Кровь, кровь без конца, без меры... Кровь стала водой.

С месяц назад в Т^ауле^а два казака схватили на седло прохожую девушку и хотели ее увезти, заступился учитель, кажется коммерч^еского^а училища, его казаки страшно избили нагайками.

Сегодня (6/II) из тюрьмы идет женщина после свиданья с своим арестованным мужем, рабочим: у него казацкою нагайкою выбит глаз. Она идет, потрясенная, плачущая, у Двор^аянского^а собр^ания^а едет казак, она ему:

— У, живодеры!

— Что?

Подскакал к ней и стал хлестать ее нагайкой, пока она не упала.

Парменыч — седой старик с длинной бородой, знаменитый кулачный боец, владелец нескольких пекарен под фирмою «Дмитриев». Глава организованной черносотенной дружины, говорят, человек в 500, все вооружены револьверами. Бывает на всех концертах, сидит одиноко и равнодушно, видимо совершенно не интересуясь. Тут же рассеяны его молодцы. Назначение — в нужные моменты изображать «возмущенную публику» или «возмущенный народ».

Недавно казаки разъезжали по улицам, записывали адреса еврейских квартир. На вопрос «зачем?» с неопределенной усмешкой отвечали: «Защищать в случае погрома».

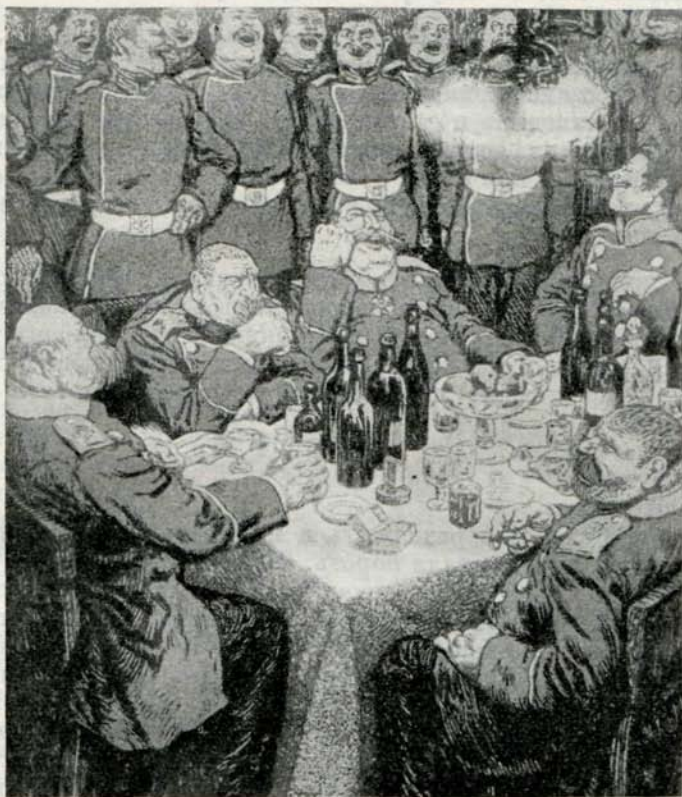
Начало сов^етов^а р^абочих^а деп^утатов^а — выражали настроение рабочих. Затем, в процессе постоянных заседаний, с^оциал^д-д^емократы^а их все больше спропагандировали, и они все больше отходят от массы, у той в конце концов враждебное к ним отношение.

Рассказывали мне (так же, как и выше, с сыщиком) об одном из сибирских городов: советы революционны, пока рев^олюцио^нна масса, в это время превосходит организации, зато через две недели — такая же реакция. Заседание большевиков — под влиянием вышеупомянутого сыщика восторжествовал демократизм. Наиболее реакционно были настроены городские рабочие-ремесленники (портные, лудильщики и т. п.). На собрании меньшевиков одна портниха предложила — интеллигенции не надо! Возражения, разбирают, что такое интеллигенция.

В окт^абрьские^а дни во время еврейского погрома в Юзовке. Еврей Кричевский, его жена и трое детей три дня ездили по степи, заедет к знакомому крестьянину, просит приютить — нет, боюсь; узнают, что евреев приютит, — разнесут.

Другой, с двумя ребятами (св. жена убита) идет по жел<езно>дор<ожному> пути под дождем, пришел в жел<езно>дор<ожную> будку, просит приютить — тоже бояться.

В Юзовке два горн<ых> инженера поехали на след<ующий> день после погрома верхом. Везде патрули, полиция, казаки, у ворот (дворники) сторожа с бляхами; разграбленные магазины и дома (пожаров не было), рамы выставлены, внутри полная пустота, только обломки. Бежит худой

«ТРИЗНА»

Карикатура Е. Е. Лансере

«Адская почта», 1906, № 2

еврейчик лет 17, лицо в крови, за ним два дюжих шахтера, у одного железная полоса, один нагоняет— М<иша>²⁹ к сторожам, чтоб остановили, — вдруг видит, те бросаются сами и начинают его бить... Он к городовому, тот неохотно отстраняет: «Что ж я могу поделывать? Их много!» Оба инженера взяли еврея между своих лошадей, доехали до казачьего разезда, сдают им — вдруг те с седел стали бить его нагайками. «Господи, да что же это?!» Бросились к казакам, городской посредничает, казаки согласились его отпустить, — и ему указали пустой переулочек, куда бежать. К городовому:

— Как же это казаки?

— Да они-то больше всех и бьют!

Едут дальше — отряд казаков с немножко знакомым казачьим офицером

— Вы здесь зачем? — спросил он. — Уезжайте скорей!

— Как же это сами же ваши казаки бьют?

Он посмотрел на них красными, воспаленными глазами.

— Не разговаривайте со мною, я двое суток на лошади, чувствую, что сейчас сам всех начну бить направо и налево.

Другой казачий офицер в Ростове-на-Д^ну в ресторане 1-го разряда подходит к сидящим за столом евреям, вынимает перед ними шашку: «Вот, видите! Всю ее иззубрю о жидовскую кость!»

Погромы были везде, в Таганроге, в Мариуполе и т. д., отовсюду бегут евреи, на станции их ждет народ и избивает. На одной станции подходит поезд, сзади прицеплен вагон II кл^{асса} специально для евреев, толпа его отцепила и отвела назад — «а вы себе поезжайте!» Бросают камнями в стекла, вскакивают на подножки и ломаются в двери; машинист напелся — помчался с паровозом назад, зашел сзади — от толчка те посыпались с подножек, а он, не останавливаясь, повел перед собою поезд дальше.

Молодой драгунский корнет, когда объявили военное положение, очень доволен: «Теперь я с ними справлюсь». Сам рассказывает: когда шли погромы, он с 20 драгунами был командирован на охрану пивоваренного завода Б., драгун спешил, сам пошел к управляющему. Драгуны докладывают — арестовали пришедшего шахтера; осмотрел — руки в угле, шахтерка...

— Зачем ты пришел?

— Пива купить.

— Покажи деньги.

Тот молчит. Велел его разложить и выпороть, два драгуна сели на ноги и голову, два другие стали пороть. Он пошел в контору к управляющему, к^{отор}ый никогда не видал, как порют, и хотел посмотреть. Заговорили с ним, пришел — а те всё продолжают его пороть; устанут те двое — их сменяют сидящие на ногах и голове. Офицер ужаснулся — запороли, придется отвечать (военное положение еще не было объявлено). Еще прекратил порку, оттащив солдат за шиворот, тот не шевелится. Стал его приводить в чувство, приводил, прыскал в лицо водою, он замычал и стал шевелиться. Наконец потерял терпение, поднял его за шиворот и стал бить нагайкой. Тот очнулся и, согнувшись, шатаясь, побежал.

Во время забастовок. На шахтах нет смазочного масла, нет железа, часть рабочих рассчитана. Ехать не могут, забастовка жел^{езно}дор^{ож}ников. Инженер вступил в сношение.

В «дни свободы» были образованы боевые дружины, потом с^{оциал}-д^{емократическая} партия их распустила, но многие не захотели подчиниться и стали действовать самостоятельно — экспроприации, убийства городских и т. п. «Сидеть, бегать озираясь, опять читать историю культуры, о происхождении семьи и т. п. — спасибо!» Многие для партизанских действий выйдут на неделю из партии, потом опять войдут. Постепенно все меньше вносят в партию. Подготавливая крупную экспроприацию, раньше делают ряд мелких (для крупной нужны большие средства). Но, празднуя удачу, всю выручку часто пропьют, прокутят — и новая экспроприация.

Х. — стал чиновником от революции, без энтузиазма, работать он согласен только определенное число часов в сутки и т. п.

На руднике. Забастовка во время I Госуд^{арственной} думы, требуют 8-час^{ового} рабочего дня. Карповский рудник согласен, другие катего-

рически отказываются. Управляющий Юза: «У меня в конверте вот приказание — в случае принятия закрыть дело. И 15 тыс⟨яч⟩ рабочих я выбрасываю в степь». «Пусть законодательным путем». Губернатор, речь: «Обдумайте, но чтоб обязательно все одинаково, а то одни согласятся — а других не успокоишь». Вся трудность в том, что придется вместо двух смен ввести три, следовательно, построить еще жилище на 50% существующих — слишком большая единовременная затрата.

М⟨иша⟩ уезжал из рудника, приезжает — за это время 50 увечных. По закону (3 июня 1903 г.?) — либо пенсию, либо единовременное пособие в 10 раз больше годового заработка (это «по обоюдному соглашению обеих сторон»)³⁰. Все требуют единовременного, о пенсии не хотят и слышать. Держатся вызывающе, в конторе сидят, курят.

— А-а, электричество!.. Это наша кровь горит! В казармах у нас электричества нету!..

М⟨иша⟩ объясняет — у них в руднике положено выдавать пенсии, он изменить этого не может.

— А вы по закону!

— Да по закону же, вот, читай в расчетной книжке: «по обоюдному соглашению», а владелец не согласен.

— Сколько эта ваша книжка стоит? 10 копеек!.. Эва! Какой же это закон! Я и сам в Юзовке за 10 коп⟨еек⟩ такую книжку напечатаю! Толкует, растолковывает, показывает.

— А мы желаем по германскому закону!

— По какому германскому?

— По германскому!..

Из задних рядов, о М⟨ише⟩:

— А говорили, он хороший! Какой хороший?

— Ну, дайте денег, мы на вас жалобу пошлем в Государственную думу!..

Настроение угрожающее, сказал, что пошлет телеграмму владельцам с просьбою на этот раз разрешить. Но тому издадека чего беспокоиться? Ответил — не согласен. Рабочие:

— Это ты сам написал! Трудно, что ли, бланк достать!..

Когда выходил, столпились в коридоре, налегли, один дернул за ту-журку, полиц⟨ейский⟩ надзиратель обнажил шапку: «Если еще шаг — буду рубить». Вывел М⟨ишу⟩, он уехал домой (1½ версты). Через два часа приезжает к нему полсотня казаков с офицером.

— В чем дело?

— Нас вытребовала полиция.

Вдали появилась толпа. Объяснения, опять повторение того же. Задирают казаков и офицера, офицер горячий:

— Ну-ка, в нагайки этих подлецов!

Мише еле удалось удержать.

Многие стараются прийти, когда Миша один, и тогда тихие, смирные, почтительные, как будто совсем другие люди, чем в толпе. Раньше, чем говорить, заглянут в коридор, нет ли там кого. Просит каждый за себя.

— Да скажи ты мне, в чем дело, почему вы не хотите пенсии?

Мнутя. Наконец:

— Да вот, говорят, скоро все рудники к рабочим перейдут, с кого мы тогда получим?

М⟨иша⟩ указывает, что вот хозяева строят новую шахту, разве бы стали затрачивать деньги, если бы была вероятность?

— Так точно!.. А мы вот сумлеваемся, в листках все пишут, что отберут у хозяев.

Едет с ямщиком.

— Пишут, что рекрутов не давать, податей не платить... А я думаю, это пустяки. А нужно другое.

— Что?

— Выходить на большую дорогу. Всех не перебьют. А тогда сами все отдадут, немогогу станет.

Оратор (оратор).

Предсказывали в комиссии, что если его воротят, то рабочие его убьют.

— Что вы, что вы такое говорите!..

Приходят рабочие советоваться. Такая гадина, что не жалко, и знает, что этим все равно кончится. Без ужаса, но спокойно и твердо: «По-моему, каждая из ваших жизней неизмеримо дороже, чем его. Не стоит из-за него рисковать. Во всяком случае, это дело будет не общественное, а личное».

Ходит от одного к другому молодая латышка — крепкая, полная, грудастая и румяная, поразительно глупая. Приехала в Москву на место, на вокзале вытащили кошелек — нет денег, паспорта, нет адреса, куда ехала. Стоит на платформе и плачет. Ее взял к себе кондуктор, пожил с нею с месяц, передал другому. И она пошла ходить по рукам. «Немка». Живет у электротехника — лысенький, с испытанным лицом, большие редкие усы. Она лежит у него на кровати, входит П.

— С., хочешь, вон говядина лежит? Возьми ее себе, мне надоело.

П. напал на него — нужно уважать человека и т. п. «Немка» вскочила:

— Он меня уважает, он гораздо лучше, чем вы, и т. п.

П. махнул рукою и ушел. Она забеременела, он дал ей 50 р<ублей> и прогнал. Она родила, ребенка в воспитательный, через месяц опять пришла к нему. Работает уже несколько месяцев в мастерской (портниха), живет на свои средства, пиво — то он угощает ее, то она его.

Двухэтажное общежитие, в нижнем коридоре семейные, постоянный шум и визг ребятишек. В верхнем — бездетные. У старика Х., его бросила молодая красавица-жена, живет с молодым красавцем-товарищем, ушла к нему с тремя детьми. Был черносотенцем, два года сознательный. Советовался, как вытребовать к себе жену — П. убедил, что это гнусность. Проведал, что они поссорились, ждет ее к себе, купил в цветочн<ом> магазине несколько горшков с розами по 50 к<опеек> за бутон, заплатил ок<оло> 5 р<ублей>. Ждет. Она не пришла.

Очень чистоплотен, в комнате чисто, как у старообрядца, войдет кто: «Ноги-то оботри!» Теперь развратничает, перевзял у Ков. какую-то Катю, форменную шлюху. Она у него, он на дежурстве, по коридору ходит пьяный Ков., стучится к нему в дверь, шепчет: «Катя! Пусти, это я!»

Но все они в общем деле были прекрасны.

В ноябре <19>05 приехал агент ЦК для организации выборов на предстоящий съезд. Было желательно устроить выборы на самых демократич<еских> началах, чтоб подвести итоги и закрепить все, определившееся в октябре. В местном комитете были сильные раздоры: присланы были из Москвы два члена на пополнение комитета, один — интеллигент, по прозвищу Липа: талантливый, резкий, прекрасный оратор, неразборчивый в средствах, любящий пожуировать, любящий женщин. Когда он сидел в тюрьме, за него был внесен залог в 3 тыс<ячи> руб<лей>, впоследствии он был возвращен ему, и Липа их не возвратил по принадлежности, а

15
 сурова и огрошно-серьезна живая жизнь во всякого-радостного
 тайнах. Торе безумиачи, которые приходят в ее тайн-
 сивные моменты, которые удивить оне нас удивительным и
 „чужой приимчивости“. Но свойотайнах жизни живут люди
 безумиачи.

В. Вересаев, (из книги „Живая жизнь“)

В. В. ВЕРЕСАЕВ

Фотография и автографическая запись писателя
 (цитата из книги «Живая жизнь») в альбоме С. С. Мамонтова, 1908 г.
 Литературный музей, Москва

истратил на себя. Другой — молодой рабочий, восторженный, мягкий, вполне под влиянием Липы, видит в нем русского Лассалья. На другой стороне — местный рабочий, по прозвищу Федот (впоследствии) оказавшийся провокатором). Первые стояли за двустепенные выборы в комитет — от каждого учреждения по несколько уполномоченных, и уж эти из себя выбирают. Федот — за прямые выборы, потому что понимал, что среди уполномоченных он не пройдет, а в широкой массе был популярен. Вопрос, казалось простой в основе, получал очень трагический характер: несколько нелегальных при прямых выборах не могли рассчитывать попасть в комитет, между тем жили теми 25—30 рублями, которые получали от партии. Большой завод, в его залах непрерывные митинги. Федот: «Товарищи! Опять в жизни России наступает огромный исторический момент, когда выступает народ! И вот интеллигенты выскакивают и пытаются забрать всё в свои руки и чтоб мы, как стадо, шли, куда они нас погонят! Делаем всё мы, а они хотят снимать сливки! По самому Марксу, — рабочий класс естественно идет по верной дороге». Возражения, указание на английских рабочих, пошедших не по верной дороге тред-юнионизма, на то, что было бы в Германии, если бы не было Маркса, Лассалья, Либкнехта и Бебеля и т. п.

Весь город, особенно рабочая часть, — во власти боевого стачечного комитета (2 большевика, 2 меньшевика, 1 агент центрального комитета), 4 представителя совета рабочих уполномоченных) как исполнительного органа, и совета рабочих уполномоченных (человек 60, заседания публичные, всякий присутствующий имеет право совещательного голоса). Было ощущение громадной силы у комитета и полного бессилия администрации. Губернатор сидел в своем доме и не показывался, полиции на улицах не было видно. Являлись начальники станции с заявле-

нием, что ждут распоряжений комитета, других назначал сам комитет. К директору завода обратились за деньгами на вооружение, он выдал 15 тыс<яч>, якобы на самовооружение рабочих от погромщиков (был в октябре погром). Жанд<армский> оф<ицер> решил, что победа за революцией, и выдал комитету тайны охранки, между прочим, что Федот — агент охран<ного> отделения. Мукомолы обратились в комитет с заявлением, что у них мука на исходе, и городу грозит голод, отрядили уполномоченных от мукомольных рабочих проверить утверждение хозяев и позволили им намолотить столько-то тысяч пудов и позволили рабочим работать. Губернатор послал своего адъютанта в Петербург за инструкциями, что делать. Станций за пять от города его узнали и высадили, машинисты дали знать по линии, и адъютанту в лаковых сапожках пришлось пешком возвращаться назад. Полк из города ушел на усиление в другой город, за двести верст, был один резервный батальон, он заявил, что сам не присоединится — им грозит за это расстрел, но против народа не пойдет. Пришла весть о московском восстании. Общее оживление, что делать. Агитаторы рассыпались по заводам, все предприятия опять остановились. Огромные митинги. Образовались боевые дружины, вооруженные револьверами, начальство поручено бывшему офицеру, обучает стрельбе, но в общем — мяклый, нераспорядительный. Агент ЦК упрекает его в бездеятельности, его выбрали ему в помощь. Собрались овладеть арсеналом, находящимся верст за 15 от города. Но уже пришла весть о подавлении моск<овского> восстания, полк возвращался в город, начальство проснулось от летаргии, оружие из арсенала перевезло неизвестно куда. Настроение быстро начало падать, на улицах опять появилась полиция. Не было сильной, могучей власти, к<отор>ая бы всех объединила и уверенно вела. Директива боев<ого> стач<ечного> комитета — избегать вооруж<енных> столкновений, ораторы призывают к оружию, их обыскивают — карточки агентов охранного отделения. Все стало неладиться. Полк подвигался вперед медленно, 1200 человек в поезде, а впереди идет рота солдат пешком и исследует путь. Было решено пустить навстречу им тяжело нагруженный поезд, но пустили не на тот пуг, и ничего не вышло. Решено было взорвать мост, были динамитные бомбы, но никто не знал, как их заложить. Примчался на заседание комит<ета> один чех(?) и конфиденциально сообщил, что полиции известны склады бомб и ночью будет обыск. Сообщение о Федоте. Объяснение с ним, см. выше. Полное падение настроения, апатия. Войска оцепили город. Вожаки скрываются — нужно обрить бороду и т. п. Встречаются на вокзале, все в обычном виде.

— Что же вы?

— А вы что?

— Э, все равно! — с отвращением отвечает тот.

Прошмыгнул мимо шпион, заглянул в лицо, потом прошел с жандармом и указывает ему. Ждут, что арестуют. Нет. Благополучно уехали. Войска вступили в город, но в рабочую часть долго не решались вступить, были слухи, что она вся минирована. Казаки преследуют подозрительного рабочего, тот перебежит мост в Заречье — кончено. Дальше не преследуют. Наконец установили против Заречья орудия, стянули пехоту. Однажды, когда заседал комитет в заводской читальне, вдруг бешеный звонкий топот по улице: два казака с бледными, готовыми на смерть лицами во весь карьер промчались по улице. Вступили войска. Военное положение. Расправа. Арестованы уполномоченные совета, часть его повешена. (Они, подобно нелегальным членам комитета, скрыться не могли — семьи, все здесь.) Тяжелое чувство тех.

Два помещика, один у другого в гостях.

— Да, положение хуже, чем в осажденном Порт-Артуре. Там кругом товарищи, а здесь... Вы уверены, что если начнут стрелять, сторожа прибегут на помощь?

— Конечно, спрячутся!

В лесу нашли планы зыбинской, санинской и других усадеб. Мужик шел по лесу, провалился в пещеру, там сидит человек:

— Молчи, что видел, а то подожжем.

Проговорился старосте, тот донес, полиция обыскала лес, в пустой пещере нашла этот план, предупредила помещиков. Трех из них все знают, но никто не указывает, бояться — подожгут. Был убит в Марьине ³¹ купец Снетков. Мужики его жалеют, высказывают это на похоронах.

— Эка, добра какого! Погоди, что еще через две недели будет!

Стреляли в лесу в шульгинского приказчика. Рихтер видел, как у него на гумне, на валу, сидел санинский мужик и срисовывал план усадьбы.

В Богородицком уезде по реке — сплошное пепелище, обгорелые риги (барских усадеб).

Стражники боятся, чуть что — убьют.

Фабрикант: «У нас — спорт, он увлекает. А в общем, ваша жизнь интереснее, и я жалею, что не пошел по вашей дороге. Беда ваша, что среди вас совсем нет практических людей. Нам теперь важен порядок, а при данном положении его даст правительство, и мы за него. А ненавидим мы его не меньше, чем вы».

Бутырская тюрьма, пересыльная. Этапные. В тюрьмах тиф, держали здесь месяц. Камера на 60 чел(овек), помещается полтораста. Параша; уговор — днем в нее не ходить. Ночью воздух ужасный, едят только один хлеб, всегда плохо выпеченный — огромное выделение газов. Интеллигентные ближе к окнам, открывают форточки, спящие на полу мерзнут, бунтуют, требуют закрыть. Клопов миллиарды. Вечером все стены, уже сплошь коричневые от раздавленных клопов, покрываются живою сеткою, также подушки спавших. Многие совсем не могут от них спать. Когда уж очень плохо становится — своеобразный прием: мешком спивают две простыни, туда залезает человек и его снаружи зашивают; сугубо душно, но за ночь всего пролезет десяток-другой клопов. Был в камере один угол — страшный угол; кто там спал, наверно заболел тифом. А лечь негде было, и шли туда на верное заболевание. Обыкновенно, заболел, долго крепится, боится себе сказать, что болен; пока не начинает бредить, — тогда волокут в больницу.

Дезинфекция. На ночь всех перевели в другую камеру, маленькую, лечь негде, белье отобрали в дезинфекцию, голые всю ночь стояли в халатах и туфлях. Утром ввели назад — едко пахнет формалином, холод от проветривания. А по стенам очумело ползают стаи клопов. Если клопов не убил формалин, то как же бактерии? И на след(ующую) ночь клопы кусали особенно жгуче и ядовито — от голода ли, или в них это формалин вызывал. И так несколько раз, и все убедились, что это ни к чему.

Сами начинают шпарить клопов, но воду дают (для чаю) только горячую, а не кипяток, клопы очумеют, а потом опять оживают.

Еда. Тюрьма переполнена. Огромных котлов в кухне не хватает. Делают так: варят суп, половину вычерпают для подследственных, затем опять доливают водой и кипятят.

В конце концов этапным — мутная вода и на дне чашки — тонкий слой крупы или плавают отдельные капустинки. Полагается мясо, это маленькие кусочки жилистого, вываренного мяса, по числу едоков. Человек десять из одной чашки: условие — мясо под конец, когда всё

выхлебают; но единственно питательное, все жадно смотрят, стараются, как будто нечаянно, захватить лишний кусок. В сущности питаются одним хлебом, всегда невыпеченным, с закалом, — пьют его с чаем. И угроза — лишиться киятку — страшна.

Приводят партию босяков, высылаемых по этапу. Оборванные, почти голые; все занято, спят на холодном асфальтовом полу. Страшно, до чего человек ко всему может привыкнуть. Один — огромного роста, благообразный, с шелковистой черной бородой и высоким лбом, с чудною октавою. Скитался по России. Монастырь — Новый Афон и т. п. Станет около клироса, начинает подтягивать. Его приглашают в певчие, оденут, обучат. Некоторое время живет, потом запьянствует, все спустит, с монахами разругается и уйдет.

Одно время жил в одном кавказском городе, где было жестокое усмирение и много домов стояло после расстрела полуразрушенными; поселился в одном из таких домов, к колеблющимся ступенькам лестницы приделал звонок, если кто поднимается по ней — звонок, и он удирает в дыру забора.

Рассказывает о своих связях с женщинами цинично и отвратительно. Организовал хор и, пока не прекратят надзиратели, поют.

На этапе, в смоленской тюрьме, заболел тифом, теперь худой, с ввалившимися щеками, жадный до еды, на все готов. Если у кого что есть, стоит около и жадно, молча смотрит, — неловко, дадут.

Позволяли выписывать с воли только раз в неделю; образовались коммуны человек по 10. В одной — мужики, высылаемые в Вологодскую губернию по аграрным недоразумениям: старшина, староста, три мужика, один подросток — крепкие, благообразные, кряжистые, знающие тайну экономии силы при голодании; и день и ночь лежат, движения только самые необходимые.

Слесарь (политический), по професс(иональному) союзу) — худой, с прыщеватым лицом, смиренный и нелепый. С ним добровольно идет жена, для этого она тоже по этапу (так как нет средств) с женщинами. Беременная, рассчитывали, что ко времени родов придут уже на место, а в Москве задержали на месяц. Он просит с нею свидания — «свиданий между заключенными не полагается». Он, взвинчивая свою застенчивость и забитость, нелепо пытается настаивать: «Да какая же она заключенная?» Начальство с презрением его оглядывает и отворачивается. Через месяц идут — ее нет. «Больна». Чем? Тифом? Рожает? Пришел на место. Через месяц она является с ребенком.

Утром — из камеры «на оправку» вызывают по 40 человек в отхожее место, и там их запирают на полчаса. Клозеты, но вода для экономии заперта, куча одна на другую доверху, так что сесть невозможно. Запах ужасный, невозможно дышать. Бумаги не полагается, подтереться нечем. Умываются — тоже не из крана, а приносят лоханку и из корчика. Всем не хватает.

Х. помощнику начальника заявление о невозможности сидеть полчаса в запертом отхожем месте. Тот выслушал, глядя в сторону, потом спрашивает надзирателя:

— На сколько ты их запираешь?

— На полчаса.

— Вперед запирай на час.

Он не сдаётся. В двери нужника начинает стучать, его грозятся запереть в карцер. Кончилось тем, что заключенные его же чуть не избили:

— Ты что тут мутишь? Добиться — все равно ничего не добьешься, а нас киятку лишат.

Иногда по вечерам вдруг бешеное веселье, беспричинный смех, пляска, хохот.

Вышеописанный благообразный певец-босяк так грязен и нечистоплотен, что никто с ним из одной чашки не хочет есть. Белье черное, никогда не стирает — отчего? «От вшей, чтоб не было. Она, вошь, не держится на одежде, ежели просалена потом; вон у вас сколько их, а у меня нету». Но когда случайно распахивалась рубашка на груди, видно было, как на этой волосатой груди шевелилось что-то сплошное, серое.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Г. Б р о в м а н. В. В. Вересаев. М., 1959.

² С. В р ж о с е к. Жизнь и творчество В. Вересаева. Л., 1930; В. К о ж и н о в. В. В. Вересаев. — В кн.: В. В. Вересаев. Повести и рассказы. М., 1956; И. М. Г е й з е р. В. В. Вересаев — писатель-врач, М., 1957.

³ А. М я с н и к о в. В. В. Вересаев. — В кн.: В. В. В е р е с а е в. Соч. в четырех томах, т. 1. М., 1948; А. Ф. С и л е н к о. В. В. Вересаев. Тула, 1956; Ю. Б а б у ш к и н. В. Вересаев. В кн.: В. В. В е р е с а е в. Избранное в двух томах, т. 1. М., 1959.

⁴ Рукописный отдел ИМЛИ, ф. В. В. Вересаева, 1—1810.

⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 154 Л—Р, к. 5, ед. хр. 38, л. 1.

⁶ В октябре 1905 г. Вересаев находился в Маньчжурии, где служил ординатором 38-го полевого подвижного госпиталя. Вернулся в Россию лишь в декабре, о чем свидетельствуют его записки «На японской войне» (см. гл. XII «Домой»). В Тулу попал в начале января 1906 г. (см. его письмо к М. Горькому от 13 января 1906 г. — Архив Горького). Таким образом, первая запись могла быть сделана в 1906 г. со слов очевидцев тульских событий, либо в конце 1905 г. на основании писем.

⁷ Александр Александрович Кизеветтер (1866—1933) — историк, публицист, видный деятель партии кадетов. Принимал активное участие в борьбе во время выборов в I и II Думы. Во II Думу был избран от Москвы. Впоследствии активный враг Советской власти, в 1922 г. был выслан за границу за контрреволюционную деятельность. В Туле выступал на собраниях кадетов 9 марта 1906 г. с лекцией «Конституционно-демократическая партия и ее противники перед выборами в Государственную думу» (см. газ. «Тульская жизнь», Тула, 1906, № 33, 5 марта; № 38, 10 марта; № 40, 12 марта).

⁸ Имеется в виду Иван Парменныч Колоколин, булочник в Туле. Об организованных им избягнителях представителей различных политических партий неоднократно сообщали тульские газеты в 1905—1906 гг. См. о нем также на стр. 201, 226.

⁹ Михаил Андреевич Ушаков, будучи агентом Зубатова, организовывал по заданию охранного отделения рабочие союзы, стремясь тем самым ослабить революционное движение. Ушаков и в этом выступлении обманывал рабочих: к ноябрю 1905 г. Гапон (1870—1906) уже тайно вернулся из эмиграции в Россию, получил деньги у председателя совета министров графа С. Ю. Вите на восстановление «отделов» своей организации. Восстановленные в Петербурге 11 отделов гапоновской организации исполняли роль правительственной агентуры в рядах рабочего класса, противопоставляя себя Петербургскому Совету рабочих депутатов.

Григорий Андреевич Гершуни (1870—1908) — один из руководителей партии эсеров, террорист. Был арестован в 1903 г. и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В 1906 г. бежал из ссылки за границу.

Егор Сергеевич Сазонов (1879—1910) — эсер, по постановлению боевой организации социалистов-революционеров участвовал 15/28 июля 1904 г. в убийстве министра внутренних дел Плеве. Был приговорен к бессрочной каторге, где в знак протеста против применения телесных наказаний к политическим заключенным покончил с собой.

¹⁰ Описанный случай произошел с троюродной сестрой Вересаева Инной Гермогеновны Смидович (в рукописи первоначально вместо «Ж.» было — «И. С.»). В 1929 г. Вересаев использовал этот эпизод в рассказе «Два побега», где прямо назвал героиню партийной кличкой И. Г. Смидович — «Димка».

¹¹ Вопрос об амнистии политическим заключенным и ссыльным обсуждался на заседаниях Государственной думы в апреле — мае 1906 г.

¹² Авдий Васильевич Концевич — священник, депутат I Государственной думы от Волынской губернии, член «Союза 17 октября».

Вересаев, видимо, ошибся: ни в одной речи на заседаниях Государственной думы Концевич не высказывал мыслей, близких упоминаемой писателем. На заседании 4 мая 1906 г., кроме Концевича, выступал священник Василий Иванович Гума, депутат от Бессарабской губернии, заявивший: «Небо, которого достигают, делает тех блаженными, а земля, которой приносит труды, пот, скорби, неудачи, несчастья,

приносит раздор <...> имея одежду и пищу, будем всем довольны, будем считать себя в обилии... То, что есть малоимеющие и многоимеющие, то Евангелию не противно, — неодинаковость должна быть и иначе не может быть...» («Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая», т. I. СПб., 1906, стр. 209).

¹³ К. Маркс в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» писал: «За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел летописи революции с 1848 по 1849 г. носит заглавие: *поражение революции!*»

Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд *поражений*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7. Изд. 2. М., Госполитиздат, 1956, стр. 7).

¹⁴ См. вступительную заметку, стр. 192.

¹⁵ Село в Тульской губернии.

¹⁶ Давыдовское — село в Тульской губернии.

¹⁷ «Исправилась» — рассказ Вересаева, написан в 1901 г.

¹⁸ Имеется в виду Федор Гермогенович *Смидович*, брат жены писателя.

¹⁹ Мария Гермогеновна *Смидович* (1875—1963) — жена писателя.

²⁰ *Мананы* — от французского *manant*: деревенский житель.

²¹ Железнодорожная станция и село в Тульской губернии.

²² Села в Тульской губернии.

²³ Ненашево — село в Тульской губернии.

²⁴ Тюренчен пал в ночь на 1 мая 1904 г. Это был большой тактический успех японцев: взятие Тюренчена дало им возможность развить наступление в двух направлениях — против Порт-Артура и против сил русских в Южной Маньчжурии.

²⁵ С октября 1890 г. по август 1891 г. Николай II, будучи еще наследником престола, путешествовал за границей и посетил, в частности, Японию. 23 апреля 1891 г. на него было совершено покушение японским полицейским, нанесшим ему удар саблей по голове.

²⁶ Площадная, Воронежская — улицы в Туле.

²⁷ Т. е. эсер.

²⁸ Императрица Екатерина II закрепила землю в полной собственности дворян законодательным актом от 21 апреля 1785 г. — «Жалованная грамота дворянству». Раздача населенных крестьянами земель высшему дворянству достигла во времена ее царствования невиданных размеров.

²⁹ Этот, как и ряд других эпизодов, посвященных волнениям среди шахтеров, написаны, видимо, со слов М. В. Смидовича, старшего брата писателя, который работал в Екатеринославской губернии техническим директором на руднике П. А. Карпова, недалеко от Юзовки.

³⁰ Закон издан 2 июня 1903 г. Им предусматривалось, что рабочему, получившему на предприятии увечье, при полной потере трудоспособности назначалась пенсия в размере двух третей его годового заработка, а при неполной потере — в уменьшенном размере. По взаимному соглашению хозяина и рабочего эта пенсия могла быть заменена единовременной выдачей суммы денег равной десяти годичным пенсионным платежам (см. «Устав о промышленном труде», гл. 7 в «Своде законов Российской империи», т. 11, ч. 2. СПб., 1913, стр. 112—123).

³¹ Железнодорожная станция и село в Тульской губернии.